

Геннадий Карпов

Выявление паразмата

«Автор»

Карпов Г. М.

Выявление паразмата / Г. М. Карпов — «Автор»,

Восток – он и в космосе Восток. Главари бандитского клана Биркули даже не могли предположить, какая изощренная месть поджидает их за похищение любимой невесты Херима Еги Матарана. И на самой далекой планете младшему из братьев Биркули не удалось избежать судьбы старших. Но погрязший в пороках город-дом Зарабадж «не заметил потери бойца». Ведь его жители посвящали все свое время погоне за все более изощренными удовольствиями, не подозревая, что превратились в подопытных кроликов Генерального Бюро Безопасности Развития Человечества, в разменную монету в большой игре с цивилизацией ящероподобных Иерархов, прибравших к своим лапам всю Вселенную.

© Карпов Г. М.

© Автор

Содержание

Повесть первая	5
Часть первая	5
Глава первая.	5
Глава вторая	7
Глава третья	10
Глава четвёртая	14
Глава пятая	18
Глава шестая	20
Часть вторая	23
Глава первая	23
Глава вторая	27
Глава третья	29
Глава четвёртая	32
Глава пятая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Геннадий КАРПОВ

Выявление паразмата

*Жизнь юностью цветёт
Смерть старостью по жизни бьёт.
Жизнь попирает смерть любовью
Смерть очищается от жизни кровью.
В юдоли смерти всё исчезнет, всё уйдёт.
Там нет любви, и смех там пропадёт.
Так хохочи, пока смеётся,
И успевай – люби, пока даётся.*

*ЖИЗНЬ – это смех сквозь слёзы.
ЛЮБОВЬ – это жизнь, смеющаяся над смертью.
Хочешь жить и любить – СМЕЙСЯ!!!
(Кармаг Фандемири¹, из цикла «Шут, смеявшийся на плахе»)²*

Повесть первая КАЖДОМУ СВОЁ

Часть первая УВАЖЕНИЕ И ЧЕСТЬ РАСТУТ НА ЧУЖОЙ КРОВИ.

*Упал на сердце мести мрак!
Теперь не рад ты поцелую так,
Щербет тебе не сладок, как
Приятен взгляду мучающийся враг!
О, фудайн!
Жестоких игр невольный брат
Ты пленник чести, смерти сват.
(Кармаг Фандемири)*

Глава первая.

Галактика: сектор ТХ 37-48.
Ятагкхана: созвездие/скопление, Г2-Х119, 1080 звёзд.
Халла: звезда, KGN-17В-64У, желтый карлик.
Система Халла: семь планет, 38 планетоидов/спутников.
Отушзтан: четвёртая планета системы.
Завдия: третий по величине материк планеты.
Аграшван: провинция на севере материка.
Тюлькили: горная область на юго-востоке провинции.
Артыгача: лесистый склон горы Арты у аула Гыюрлы.

17157 год, 1 мохххама, около 5 часов ночи. Лес.

Беспокойному ожиданию приходил конец. Шипящие очереди алемов³ и взрывы газовых гранат звучали всё реже и реже, и уже не заглушали одиночные выстрелы. Но и тех становилось всё меньше и меньше.

Пальба затихала...

Заканчивалась тревожная ночь. Наступали предрассветные сумерки. Всё чётче и чётче на фоне неба прорисовывались верхушки деревьев. Чёрная стена окружающего леса серела и расслаивалась. В проступавших силуэтах уже можно было угадать карыгачи, чуты, чунары, кусты.

Выстрел... Ещё два подряд...

Стихло... Почти стихло – теперь предутреннюю тишину нарушали лишь суматошные крики, доносившиеся из-за забора особняка. Но и этот гомон не портил наступившую предрассветную идиллию, так как из-за расстояния был едва слышен, и при желании на него можно было не обращать внимания.

Рассветало, быстро светлело... Силуэты деревьев набирали объём, на них прорисовались мохнатые лапы ветвей и листва. Стал виден особняк.

Заскрипели ворота, показались двое. Сначала какой-то голодранец, по одежде вроде Варман, за ним Касан. Фудаин легко узнавался по широкому патронташу, состоящего из сцепленных футляров для рожков-аккумуляторов от элм-автомата – алема. Широкая лента боеприпасов наискосок от пояса через правое плечо охватывала торс фудаина. Она почти полностью прикрывала грудь и спину Касана, довольно успешно заменяя ему бронежилет.

Голодранец остался у ворот и начал распахивать их, а Касан неспешно направился вниз к перелеску. Шёл шумно, не таясь. Свой алем он небрежно закинул за спину.

Выйдя на поляну к группе людей, фудаин направился к тройке мужчин, обособленно стоявшим в центре на пригорке. Только они до сих пор ещё не сняли очки ночевидения, и от этого вид у них был не очень приветливый. Подойдя, Касан почтительно склонился перед коренастым, стоявшим в середине тройки:

– Господин, всё сделано.

– Лийла-кысы и Лойла-бала не пострадали?

Фудаин опустил глаза и не издал ни звука.

– Они в безопасности?

Касан склонился чуть ниже.

– Они живы?!

– Мы их не нашли, господин.

– Как это не нашли?! Мне их что – самому искать!?

– Во всём доме была лишь одна женщина, господин. Мы не сумели помешать – её успели зарезать.

Херим Еги Матаран некоторое время молчал.

– А Биркули, эти недоноски... там?

– Мы захватили Гудара и Гахрамара. Они живы – мы выполнили ваш приказ, господин.

– А ублюдок Гухрихар? Убит?! Или его тоже нет?!

Через очки ночевидения Херим Еги Матаран увидел, как заметно ярче стало лицо фудаина.

Касан склонился ещё ниже:

– Нет, не убили, но и среди живых его нет, господин.

– Г-гхрр-ы-ы... – взрычал Матаран, – Червивая морда! – и изо всех сил пнул Касана, быстро пошёл к дому, где последний месяц базировались братья Биркули и их люди.

³ Алем (простоанар.) – АЭМ (оруж.) – автомат электромагнитный.

За ним, обходя поверженного слугу, двинулись его двоюродные братья Херим Ишан и Херим Мартан. Оба на голову выше брата, не худые, но казавшиеся такими, рядом с ним, мягко говоря, очень дородным.

Фудаин, успевший спрятать от удара лицо, не спеша поднялся и, держась на почтительном расстоянии от своих нанимателей, пошёл вслед за ними.

«Сколько денег! унижений! риска! – и почти напрасно!» – кипящий Матаран, проходя ворота, от души приложился прикладом алема по уху зазевавшегося Вармана. Тот ойкнул и, сползая по створке ворот, завыл, размазывая по лицу кровь с разбитого уха. Взбешённый воплем, Матаран вернулся, сбил бедолагу наземь и пинками заставил умолкнуть. Шедшие за родственником, Ишан и Мартан тоже сочли нужным подарить по пинку, скорчившемуся в пыли, тихо всхлипывающему голодранцу.

Проходя двор, Матаран мельком огляделся: скольких наёмников на страже держали Биркули? Мало... всего троих. Не боялись? Не ожидали? Или, может быть, людей мало осталось?..

Двое задушенных лежали ничком сразу за воротами. Скрюченные пальцы одного из них так и не выпустили шнура, которым его удушили. Третий, здоровущий детина, зарезанный, скорчившись, лежал в луже крови и в собственных кишках около двери. Было видно – умер не сразу, помучился. Совсем молодой, ещё безбородый, – он был красив, хотя лицо исказила маска смерти: рот до отказа набитый чёрной кляповой массой, казалось, вопил, а широко раскрытые глаза, ещё блестящие, не замутнённые небытием, безумно о чём-то молили небо. Матаран наступил на эти глаза. Наступил всем весом, на миг задержался и с острым наслаждением почувствовал, как что-то хрустнуло под жёсткой подошвой. Так будет со всеми его врагами!

За дверью, в прихожей два голодранца возились с мертвецами. Хахтияр стаскивал вниз по лестнице два тела.

– Где Биркули?! – рявкнул Матаран.

Резко оглянувшись, Хахтияр потерял равновесие, оступился и шумно покатился вниз. Вбежали и встали сзади по бокам Матарана братья. Испуганные голодранцы застыли. Матаран сорвал с лица очки ночевидения и, свирепея, переводил взгляд то на тяжело встающего Хахтияра, то на перепуганных дехкан, на лицах которых застыло выражение собачьей беспомощности: молчаливая готовность услужить и полное непонимание как это сделать.

– Хозяин, Биркули наверху, – сказал появившийся сзади и остановившийся в дверях Касан, – на женской половине.

Матаран покосился на него через плечо, и раздражённо приказал:

– Иди, показывай, фудаин, – и громче добавил, – Хахтияр, пошевеливайся! Убери падаль с лестницы.

Глава вторая

Полгода назад

17156 год, 22 турсхама, 2 часа пополудня, город Гурдили, махаля Мехадихана.

Матаран проснулся как никогда поздно с тяжёлой головой и дикой жадой. Он заставил себя приподняться и, отбрасывая подушки, на четвереньках пополз по дувану, перекатился на ковёр, подполз к низкому столу, за которым они вчера пировали, слил в чашу остатки шербета и жадно выпил, подумал, налил туда же вина и опять выпил. Полегчало...

Вчера вечером приходил с двумя родственниками Куру Джер Бахтияр. Он принёс на просмотр, давно обещанные, фирменные макаронины с запретным порно и полную корзину выпивки с закуской. Отмечали выбор невесты молодым Хаяром, его первый брачный взнос и то, что родители невесты взнос приняли... Хаяр стал мужчиной – киши.

И гуляли, как киши, до утра... Он тоже не поскупился и поставил на стол не меньше виновника торжества, а может и побольше! Да, посидели неплохо, по настоящему: выпили, поговорили, потанцевали... Всё как надо! Болтал он только много... Матаран вспомнил, как учил жизни молодых Хаяра и Джанияра...

"...пусть халлах не одобряет выпивки... Ну, и что? Плевать на святош! Настоящий киши тем и отличается от ишщачьего хвоста, который всегда в дерьме, что может, когда надо, ради друзей и родственников, и просто под настроение делать всё, что хочется, и послать всё и всех к чертям собачьим, в том числе и самого... ишщака!

...Твоей невесте шесть лет? – ерунда! Через семь, восемь, ну, девять лет, твоя невеста станет девушкой, ты выплатишь келим, и она будет твоей женой. Настоящей женой, только твоей!.. Время летит быстро, вот я, уже шесть лет плачу, ей уже четырнадцать... и скоро... тьфу-у! – сколько осталось... у меня будет жена... Ничего, что так долго, настоящего мужчину отличает терпение, баррс тоже долго стережет добычу... Хаяр, Джанияр, ваш дядя десять лет ждал, зато какая у него жена! Три года – и пять сыновей!.. Вот это, во-о!.. Это у вшивых голодранцев, дехкан, не жёны, а гёхпери!.. Впрочем, иметь гёхьеви – это в-во!.. чем больше, тем лучше... но сперва – гарем, и хоть одна жена в нём... А если у тебя есть и гарем, и гёхьеви, то ты киши дважды!..

...ээ-э-э... бабы бабами, но главное в жизни – это мужская дружба и родичи, и... и мужская честь... не дай халлах, если какой-нибудь червь покусится на твою невесту Хаяр... конечно, Джан-н... Джанияр и за твою невесту я стану... и за тебя Бахтияр... у вас надёжный друг... да, мы б-большие д-д-друзья-я!.. за это надо выпить стоя!.."

Всё было хорошо, только вот, зря он так много болтал и много обещал. Он явно перепил. Матаран махом осушил кувшин с минеральной водой.

– Махкат! Неси сюда воду! Два кувшина!

Махкат, как будто ждал этого приказа, тут же появился с кувшинами и, с поклоном, поставил их на стол.

– Вам письмо и депеша, хозяин. Принести?

– Потом. Убери со стола. Принеси солёности. Буду отдыхать.

– Письмо от семьи невесты, хозяин. Срочное.

– Сволочная жизнь – всегда что-то помешает расслабиться и отдохнуть, – сварливо проворчал Матаран. – Надеюсь, будет что-то приятное... Ну, что устался? Неси.

Матаран разорвал пакет, вытащил из футляра тонкую макаронину письма и вставил в пэстин, взял пульт, поудобнее устроился на подушках и набрал код дешифровки. Экран визора заалел языками пламени, и полилась тревожная торжественно-мрачная музыка Шибази. Матаран напрягся: ничего хорошего начало не предвещало. На переднем плане появился тесть. Держась ладонями за шею и раскачиваясь из стороны в сторону, он плакал. Сзади толпа родственников и ближайших слуг также выражала своё горе, негромко плача и стеная.

– Дорогой зять, громадное горе свалилось на нас... О-о-о-у! Твою невесту, непорочную, солнцеликую, прекрасную Лийлу-кысы похитили. О-о-о-у! Горе, нам, горе!!! Вместе с ней украли её малолетнюю сестру Лойлу-бала, убили их мать – почтенную, несравненную Геюк-канум. О-оо-у! О, халлах, зачем ты караешь нас таким испытанием?!.. Шелудивые псы увели ещё двух моих гёхпери, служанку дочерей; убили племянника и четверых слуг. У-у-оо-ууу! Они и в махале натворили ужасные дела: убили пятерых, многих покалечили и увели трёх гёхпери. Ай-а-аай!.. Я совсем один остался, только ты дорогой зять, да мой маленький сыночек... Что будем делать, дорогой зять? Я стар, немощен, почти нищий... Горе, нам горе! Пусть будет проклят день вчерашний, двадцать первого турсхама! О-о-о-ууу!.. Ли-ий-ла-аа! Лой-ла-аа! А-аа-аа...

Матаран окаменел, свалившееся несчастье потрясло его... И первым чувством, охватившим его после осознания случившегося, была злоба, не на абстрактных похитителей которые,

само собой, стали врагами, а на тестя, не сумевшего сберечь ему невесту, но зато хорошо умевшего вымогать подарки и оттягивать свадьбу, выклянчивая новые взносы; и при этом плакаться на свою нищету, явно не желая раскошелиться, хотя за последние четыре года выдал замуж уже двух дочерей, а за Лийлу получил практически весь келим.

Матаран вскочил и, разражаясь ругательствами и проклятиями, забегал по комнате, пиная что покрепче... Успокаиваясь, он схватил и мигом осушил кувшин, затем разыскал на дуване пульт и, продираясь сквозь рекламу и информационные блоки, нашёл депешу адресованную ему и раскрыл её. Депеша была звуковая с текстовым подтверждением на экране.

– Херим Еги Матаран, я – Биркули Уру Гудар, говорю тебе, что твоя невеста у меня. У неё всё хорошо. Есть всё, что нужно, если надо – ещё будет. Можешь за неё не беспокоиться. Её честь пока в порядке, это я говорю – Биркули Гудар. Не думай плохо. Кто думает плохо о семье Биркули долго не живёт! Если другие будут думать плохо: плюнь! Я буду с ними разбираться! Ты киши, я киши – я тебе прямо говорю: мне нужны деньги. Пусть будет как последний взнос за невесту. Потом на свадьбе гостем буду, большой подарок сделаю. Или я не Биркули!

Но если ты меня не будешь уважать, то я тебя тоже не буду уважать. Твоя не-э-порочная невеста станет моей гё-о-охпери, потом гёхпери братьев, а потом всей моей шайки-майки! Потом отдам в мой бордель. Ты тоже сможешь туда придти, пожалуйста, тебе будет большая скидка – ты и так много потратился. Но это, если ты Биркули уважать не захочешь, если захочешь – будем друзьями. Пусть кто попробует плохое слово сказать – сделаю огютюш, набандангу, в бордель отдам!

Потом, наверно, будем родственниками. Лойла-бала хорошая девочка, сделаю из неё жену. Не очень хорошо, когда родная сестра жены – гёхпери, или, совсем плохо, бордель-кысы. Я думаю, ты меня понял. Мне нужно совсем мало, с другого взял бы больше, всего двенадцать миллионов дирхемов. Если сразу трудно, могу подождать, пока ты соберёшь долги, пока соберёшь помощь родственников, тестя и мужей сестёр твоей будущей жены.

Ты киши. Ты меня понял, я так пока думаю. Да будет халлах вечно над нами! Ха-а-а-лла-ах! Вечно имя его!

Депеша свернулась, и экран замерцал мягким зеленым цветом.

О-о-о! Более вызывающего и нахального послания он никогда не получал! Гх-хрр-ры! Как этот Биркули издевался над ним! – через слово насмешка, поддевка – думал я не пойму... говнючая глиста, сын гютюша, выблядок! Это он, Матаран, должен требовать двенадцать миллионов дирхемов, чтобы забыть нанесённую обиду! Родственником пообещался сделаться – да, такого родственничка при первой же встрече задушить надо, глаза повырывать и оскопить!.. Так и сделаю!!!

Постепенно остывая, Матаран начинал понимать, что прежде, чем что-то предпринимать, вначале надо крепко подумать. Очень крепко! Таких денег ему не собрать, даже если все к кому он обратиться будут благодущны и необычайно щедры, а такое невозможно – тесть первый, паршивую овцу не даст. Гудар, вряд ли полный идиот, должен понимать, что к чему, – значит, предполагает торг. Отсюда изначальная сумасшедшая сумма. Гютюш – сын гютюша! Ко мне обратился, не к тестю! – знает, тот скорее удавится, чем один гяпик отдаст... Конечно, проще на всё плюнуть и забыть о невесте. Биркули серьёзный и достаточно известный бандитский клан, и связываться с ним – такое дело, что даже в самом страшном кошмаре – не дай халлах присниться. Но это означает потерю уважения, пренебрежительное отношение (стерпит, ещё бы, стерпел большее – стерпит меньшее), потери в любых торговых и денежных делах. И само собой потеря уже выплаченного келима и затраты на новый келим, больше прежнего: пенять будут тем, что на охрану тратиться надо. Да, и дай халлах вообще найти приличную невесту – кому нужен зять, который не может защитить невесту или, по крайней мере, отомстить... Придётся выбирать жену в самых занюханных махалях, у самых неродовитых семей. И, то, будет хорошо, если не подсунут какую-нибудь уродку, или же придётся брать в жёны

дочь гёхпери, не имеющую с детства нужного присмотра и... уже... возможно, общавшуюся с мужчинами!.. Нет, хуже такого позора ничего не придумаешь – он его не вынесет.

Остаётся мстить?.. Да, его ещё сильнее зауважают... пока не убьют, а потом назовут дураком. А если не убьют, есть шанс стать вечным мстителем – фудаином, да, так и не отомстить до конца, а постепенно всё спустить, превратиться в нищего фудаина-профессионала и, чтобы жить и мстить, идти в наёмники к состоятельным фудаинам.

Правда, при хорошем исходе, он сможет даже нажиться за счёт имущества Биркули и выкупов; сможет сделать Лийлу своей женой, конечно, если убьёт или огютюшит всех, кто оскорбил или мог оскорбить прикосновением его невесту, хотя теперь при любых обстоятельствах, она уже не может считаться незамаранной... Нужна ли такая жена?

Надо думать. Разведать всё о Биркули, посоветоваться с родственниками и друзьями, прошупать настроение возможных союзников (как далеко они смогут с ним пойти) и лишь потом решать. А сейчас – молчать. Молчать и действовать.

Глава третья

Неделя назад

17157 год, 34 пертсхама, 8 часов утра, аул Кельчули, махаля Юримана-птичника.

На небольшом дуване, на самом краю, тяжело дыша, беспокойно спал Херим Еги Матаран. Сзади, подпирая и обнимая, закинув на него ногу, спала местная бордель-кысы Халя-Неугомонный живот, крупная толстая женщина средних лет.

Разбудил Матарана стук. Непрестанный стук, настойчивость которого вызывала тревогу. Стучали попеременно то в дверь, то в ставни. Матаран локтём грубо толкнул тихо похрапывающую Халю, что не возымело никаких последствий – она вчера мертвецки напилась, и Матарану пришлось приложить немалые усилия, чтобы вырваться из двойных объятий. Оказавшись на свободе, Матаран подхватил алем и подошёл к занавесу, отделяющий комнату от залы прихожей. Стучали в дверь. Матаран дулом алама осторожно отвёл в сторону одну из портьер занавеса и заглянул в прихожую. Двоюродные братья – его телохранители уже стояли у двери, держа её под прицелами алемов. Братья вопрошающе посмотрели на него. Что-то зашуршало сбоку, Матаран резко обернулся и буквально нос в нос столкнулся с Махкатом.

– Отойди, – прошипел Матаран и, повернувшись к братьям, прошептал, – Спросите, чего надо?

Ишан спросил.

– А, Ишан, чё так долго спишь? Я с восхода стучусь! О-о! Ха-ха-ха, наверное, наша Халя-Неугомонный живот для вас городских чересчур горячей оказалась? Да?

– Кончай болтать, чобан, – разозлился Матаран, – если ты разбудил нас напрасно, ты будешь об этом долго помнить! – и приказал братьям. – Откройте.

Все, хотя и успокоились, но оружие держали наготове. Мартан отбросил засов, открыл дверь и в дом хлынул свет и свежий воздух. У двери, уважительно склонившись, стоял Хахтияр, местный голодранец, принятый новобранцем в отряд Матарана. Под чутой, позади Хахтияра, на почтительном расстоянии переминались ещё несколько безоружных дехкан. Вслед за братьями Матаран осторожно вышел за дверь и внимательно оглядел уже знакомый большой пустой двор, огороженный покосившейся изгородью, местами поломанной и упавшей. И кроме дехкан под деревом, во дворе и за оградой, вплоть до крайних халуп аула, никого не было. Матаран кивком приказал братьям обойти дом.

Хахтияр распрямился, открыл было рот, но тут же испуганно заткнулся и ещё ниже склонился, увидев зверское лицо Матарана и его кулак у своего носа. Голодранцы замерли, не смея дышать – фудаин-ага гневался...

Было по-утреннему прохладно и тихо – лишь успокаивающе шелестела листвою чута, дапташки щебетали. День обещался быть спокойным и ясным: хорошо, без дымки, просматривались снежные верхушки далёких гор. Голубеющее небо разбавляла лишь парочка тающих облачков. Матаран взбодрился, и малость опьянел от свежего деревенского воздуха и перехода от опасности к безмятежности.

Подошли братья. Ничего тревожного и стоящего внимания они не заметили.

– Что случилось, Хахтияр?

Хахтияр с видимым облегчением выпрямился:

– Хозяин, прости за беспокойство. Мы думали, ты уже давно встал, хаш поел, выпил, закусил, с Халей всё, что надо, сделал и теперь тебе надо новости слышать. Глупые, совсем забыли, что вы городские совсем по-другому живёте. Всё делаете не так, медленно... Медленней ложитесь, медленней встаёте. Я не хотел спешить, Матаран-ага, они меня толкали. Халлах свидетель! Э-э-э... совсем-совсем горные, сельские – ничего не знают, не понимают. Говорят, фудаин-ага гневаться будет, если новость поздно узнает. Я им говорю, такую новость лучше поздно узнать – после обеда, а то аппетит можно испортить. Не слушают, слушай... Совсем-совсем чобаны... Хе-х-хе... Только баранов и ищцаков хорошо знают... Хе-х-хе... От такой новости точно аппетит сломать можно, особенно если увидеть и понюхать. Не понимают... Городские не то, что сельские... Они не-эжные... непривыкшие. Совсем не понимают, слушай... Я очень крепкий, все это знают, и то вчера... В-ва-ах! Чуть совсем свой аппетит не поломал из-за этой новости...

Матаран стал злиться, но молчал и не прерывал, зная по тяжёлому опыту, что лучше дослушать до конца, а то выйдет хуже: бестолковая деревенщина начнёт путаться, сбиваться, тупеть на глазах – и времени на разбирательство уйдёт много больше.

– Мы тут вчера интересного нищего поймали, весь побитый, гнилой. К тебе хотел. Сильно хотел. Ты гулял, мы тебя беспокоить не могли. Он глупый, наверное, городской, ничего не понимал. Наши всё понимают. Кто не понимает – того быют. Почему-то сразу лучше понимать начинают, даже если по голове сильно быют. Мы его тоже немножко побили, заперли. Замолчал. Сейчас, дурак, опять орёт. В-ва! Собака от него лает... Всем мешает, вчера спать не давал, сегодня... отдыхать не даёт и эти... ну... которые... не-эрви... рвёт. Мне рвёт, семье моей рвёт, соседям рвёт, вашим нукерам рвёт. В-ва! Даже моей собаке рвёт! Мы вчера его к моей собаке в нору положили и закрыли. Теперь вместе кричат, воют, лают. В-ва! Я уже не понимаю, где моя собака кричит, где этот городской лает! Что делать, господин? Я один туда лезть не хочу. Никто не хочет. Слушай! Жалко! Собаку спасти надо. В-ва-а!

Прислушавшись, Матаран в действительности услышал какие-то странные звуки, доносившиеся издалёка.

– Мартан, иди и притащи этого нищего, узнаем, чего он хочет. Собаку, если будет мешать, пристрели.

Бордель-кысы продолжала сладко храпеть, крепко обнимая дуван. Ночная рубашка задралась ей под грудь и большая жирная задница сияла во всей красе. До Матарана вдруг дошло, что кроме алама на нём ничего нет. Он один даже штанов не натянул. Матаран почувствовал стыд, а затем злость на себя и на всех, кто видел его промашку, и в первую очередь на голодранцев: «Гютюши, припёрлись ни свет, ни заря...»

«Совсем с ума схожу, – думал он, одеваясь. – Постоянно в напряжении... Когда всё это кончится?! Знал бы – не начинал». Матаран невольно задумался – и мысли, которые пришли к нему, были не из самых приятных...

Додумать Матарану не дали: раздался шум в дверях. Он откинул занавес и увидел, что Мартан руководит дехканами, которые вводят или, скорее, втаскивают в дверь кого-то. «Тот самый нищий», – приняв их и приглядевшись, догадался Матаран, и пожалел, что приказал привести его сюда. Одежда на нищем была порвана и изгажена до последней степени, длин-

ные волосы свалились на голове в комок дерьма и густыми потёками локонов-соплей падали на уши и щёки. Лицо и оголённые части тела нищего были украшены разноцветными кровоподтёками, воспалёнными царапинами и порезами, вздувшимися укусами, чирьями и другими прелестями гниющей плоти. От него густо несло сложной комбинацией вони. Дехкане бросили нищего на лавку и, держа руки на весу, поспешно бросились вон – срочно отмываться.

Нищий, непрестанно что-то бормоча, судорожно водил головой, останавливая взгляд дурных чёрных очей попеременно на всех, кто обступил его. И так не один раз. Никому не хотелось ему мешать, всех держал на почтительном расстоянии его вид и запах, быстро густеющий при приближении. Наконец, нищий выделил Матарана, затормошился на скамье, оторвался от неё и сделал шаг вперёд. Все отпрянули. Но нищего на большее не хватило: ноги у него подкосились, он упал на колени, и сразу странно обмяк, сложившись грудой тряпья на полу.

Матаран был в растерянности, не зная, что делать с убогим, чего ждать от него. Груда тряпья меж тем вдруг встрепенулась. Нищий встал на колени, выпрямился и, протянув руки к Матарану, что-то залопотал. Матарану послышалось его имя.

– Тихо! – гаркнул он и обратился к нищему, – Говори помедленнее и внятнее. Чего хочешь, вонючка?

В образовавшейся тишине стало слышно:

– Херим Еги Матаран, это ты? Это ты? Херим Еги Матаран, это ты? Это ты? Хе...

– Да, да это я, – прервал бесконечный вопрос Матаран, – я это, я.

Нищий, как будто, не слыша, продолжал твердить вопрос.

– Э-э, слушай, идиот! Я Матаран! Это я! Я! Я! Я это!! Я-я-а!!!

– Всё. Всё, не кричи. Не кричи. Я понял, ты Матаран. Совсем горячий. Я проверял. Правильно, Матаран должен быть таким. Очень низкий, очень толстый, очень большое лицо, большой нос, маленькие хитрые глаза и кривой шрам слева на лбу. И очень горячий...

«Он проверял! Вонючий гютюш!» – Матарану не понравилась собственное описание и характеристика, но надо было узнать, что за этим кроется, и он стерпел, промолчал.

– Я несу тебе донесение от Мухтияра, благородный фудаин. Ты должен знать кто это. Он обещал, что ты многое сделаешь для того, кто принесёт его донесение, и заплатишь пятьдесят тысяч дирхемов.

Нищий замолчал, ожидая ответа.

– Да, заплачу, – подтвердил Матаран (вдох удивления пронёсся среди стоящих рядом дехкан и нукеров), – если это именно то, что нужно.

Нищий удовлетворенно кивнул и запустил обе руки себе в лохмотья: левую глубоко вперед между ног, а правую за спину под ягодицы и принялся там активно шуровать. Он то ли чесался, то ли... что-то искал. От активных действий юродивого запахок усилился...

В прихожей набилось человек десять, и все, кроме двух самых молодых, старающихся незаметно подглядывать за спящей бордель-кысы, с интересом следили за действиями нищего.

У того что-то не получалось: он кряхтел, пыхтел, тужился и пукал; его глаза, казалось, вот-вот, выпрыгнут из орбит, из них потоком лились слёзы, умывая грязное лицо, но он не сдавался. Юродивый стал менять позы: привставал на коленях и опять присаживался, клонился то на один бок, то на другой, то отклонялся назад, выгибаясь дугой, то наоборот, нагибался, упираясь лбом о пол, но все напрасно – не получалось и только лужа испражнений под ним росла и ширилась...

Вонь достигла немыслимых высот, круг почтения вокруг нищего увеличился вдвое и дальше отступать было некуда, но уйти без разрешения Матарана никто не решался, а помочь юродивому никому не хотелось. Все терпеливо ждали результата. И, казалось, ждали долго, хотя, в действительности, этот мучительный спектакль длился не больше пяти-семи минут,

пока юродивый не издал вопль победы (или непереносимой боли), и гордо вознёс персты правой руки. Рука была в дерьме.

Матаран, пересилив себя, подошёл к нищему поближе и передёрнулся от брезгливости: тот гордо протянул ему комок из смеси говна, гноя и крови со слезью. Нищий, увидев реакцию благородного фудаина, понимающе кивнул и отправил комок... в рот, почти ввергнув Матарана в обморок. Матаран в ступоре с ужасом наблюдал как нищий деловито обсасывал «это» – кадык работал. Наконец, удовлетворившись, нищий выплюнул в ладонь и протянул Матарану блестящий цилиндр минимакаронины.

Матаран попятился и приказал:

– Махкат, возьми донесение. Ишан, наведи порядок. Пусть сначала уведут убогого. И не обижать его! Накормить и дать всё, что попросит. Он ещё понадобится. И всё вычистить!!

Матаран ушёл за занавес и резко задёрнул его и, расслабляясь, обернулся. На дуване сидела Халя-бордель-кысы и, тараша на него глаза, зажимая нос, изумлённо прогундосила:

– Они, што? – вше шюда шрать приходили?!

Матаран непонимающе уставился на неё, а потом зло рывкнул:

– Одного хватило!

И кинулся вон, на свежий воздух.

Во дворе Матаран постарался держаться подальше от эпицентра событий, где дехкане, под руководством Ишана, суетились вокруг нишего, уже называя его не иначе, как святым – щеидом. Во двор щеид перебрался на карачках сам, но дальше ползти категорически отказался. Оскорбить святого прикосновением никто не хотел – но и послушаться Ишана-агу тоже никак нельзя: был приказ увести щеида подальше. Подошедшие любопытствующие нукеры посоветовали побить нишего вонючку палками, выбрав подлиннее, чтобы не сильно противно было, – и тот побежит сам, да ещё вприпрыжку. Возражая, дехкане наперебой принялись объяснять, что это не нищий и не вонючка, а святой – щеид, – грязью, мразью и страданиями отгородившийся от людских грешных дел, и что в доказательство этого на глазах у многих сотворил чудо: кусок дерьма превратил в волшебный камень кыгрымыз, который теперь будет помогать и оберегать благородного фудаина Матаран-агу, за что Матаран-ага пожаловал щеиду пятьдесят тысяч дирхемов.

Пожалованная сумма снимала все сомнения в святости вонючки.

В разгар объяснений во двор пробрался большой зачуханный пёс. Длинноухую паршивую собаку несло именно к щеиду. На попытки отогнать пёс отвечал обиженным тонким лаем, визгом и целеустремлённо рвался дальше. Хахтияр узнал своего рыжего Баррса и решительно кинулся наперерез и чуть не перехватил его, схватив за лысые уши и оседлав, но тщётно. Пёс, кувыркнувшись, вырвался и, получив по пути ещё несколько ударов, достиг цели и улёгся рядом с щеидом, положив голову ему на колени.

Благоговения прибавилось...

Один Хахтияр не унимался.

– Баррс, Баррс, иди, иди сюда! Ты зачем убежал?! Кто теперь дом сторожит? Иди сюда, шебултай! Иди сюда, тебе говорят!

Он даже попробовал оттащить пса за хвост, но был им чуть не покусан и получил несколько затрещин от своих же аульчан. После этого он прекратил попытки прогнать пса, но ходил вокруг и около, бросая недовольные взгляды и на пса, и на щеида.

Голь на выдумки хитра и неразрешимая задача «как, не дотрагиваясь, увести щеида» была решена. Из двух пар жердин, верёвок, порванных халатов были сделаны крестообразные носилки и благоговейно поднесены к щеиду, и тот соизволил на них перебраться. Восемь избранных удостоились чести нести благовоного щеида. Торжественная процессия двинулась в путь. Погавкивая и поскуливая рядом с носилками бежал пёс. Его уже никто не прогонял.

Разобиженный изменой, Хахтияр жаловался Ишану:

– Семь лет с этой собакой жил, совсем маленькая была, когда подобрал, вместе ели, пили, на охоту ходили. Защищал от брата, от его жены и от их детей. Никому не давал обижать. А он бросил меня! Наверное, с ума сошёл. Я бы тоже с ума сошёл, если бы всю ночь со святым в одной норе был. Я шебултай, вчера пьяный был, наверное, поэтому, когда мы шеида ночью дрынами побиили и потом в нору толкали, собаку не выпустил. В-ва-аа, в-ва-аа, как она кричала! Плакала! Мне тогда смешно было. В-ва-ах! Сейчас грустно... Святой, святой – плохой святой, хороший святой собаку не испортит. В-ва! – щейд! Хорошая собака хозяина не бросает. Точно – с ума сошла!.. В-ва! Хорошо я вчера мало выпил, а то тоже в нору полез-бы... В-ва-а-а-х!.. Э-э, слушай, хочешь я тебе большую тайну расскажу? Никто не знает! В-ва! Думаешь, это Баррс? Баррс, Баррс... э-э-э... какой Баррс! С-сука!

Хахтияр тонко залаял, подражая собачьему тьякканью. Получилось неотличимо от того, как недавно тьякал обижаемый Баррс. Ишан обалдело уставился на залаявшего Хахтияра, не зная, что ему делать: обижаться на лай или смеяться шутке.

– Слышишь, как он лает. Он даже по-мужски лаять не может! – пояснил Хахтияр. – С-сука! Поверь мне. Я знаю!

После завтрака Матаран ознакомился с донесением Мухтияра. Мухтияр был его человеком, засланным в лагерь Биркули. В донесении сообщалось, где сейчас базируются Биркули, где находятся их запасные схроны, сколько у него людей и где они, что и когда делают, и что в ближайшее время замышляет Гудар Биркули. За такие сведения пятидесяти тысяч было не жалко.

Глава четвёртая

17157 год, 1 моххама, около 6 часов утра. Артыгача, особняк Биркули.

Гудар и Гахрамар находились в большой комнате богато украшенной коврами и аппаратурой. Штук пятнадцать ковров – не меньше, один на другом, покрывали пол, стены, и даже к потолку была прибита парочка. Аппаратуры было столько, что всё сразу и не увидишь: минимум три музыкальных центра, звуковых колонок не сосчитать, четыре визора – каждый больше другого, несколько видеокамер, пара пэстинов и везде, только протяни руку, валялись связоны разных моделей, целый угол занимал реавизор – непостижимо дорогая вещь. Он как раз работал, показывая в полной красе стриптиз-танец двух хаваянок. Было полное ощущение присутствия девушек – чувствовался даже сладкий аромат их духов. Нукеры в восторге улюлюкали, приветствуя особо вызывающие позы и неприличные телодвижения, а практически весь танец хаваянок состоял из них. Всё сливалось в один непрерывный гогочущий гул.

Две трети отряда Матарана набилось в комнату – сидели, лежали и стояли, на чём попало, грязными чарыками попирая дорожные ковры и нежный меховой дуван, не стесняясь давить, ломать, отхаркиваться тубелем и разбрасывать вокруг скорлупу орехов. Связанные Гудар и Гахрамар были затолканы в угол и забыты, так как уже получили своё: побои, унижения и оскорбления – только ленивые и неспособные что-то выжать из себя не запятнали честь, лица и одежду братьев Биркули. Маленькие и большие нужды над ними справляли явно от души и на совесть.

На Матарана не обратили внимания, и он пошёл к реавизору напролом: нерадиво уступающим дорогу доставались зуботычины. Выключив реавизор, Матаран коротко приказал:

– Все, вон!

Дважды повторять не пришлось.

Ишан и Мартан извлекли из угла и бросили к ногам Матарана братьев Биркули. Каждому из них Матаран от души вдарил в пах, и те лишь задёргались, не имея возможности даже закричать, – их рты были забиты кляповой массой.

- Касан, Мухтияр жив?
- Да, господин. Он вместе с шестью другими биркулинцами заперт в подвале.
- Мне он нужен.
- Он ранен и не сможет прийти, господин.
- Значит, принеси! Мне, что, каждый раз дважды повторять, фудаин?!
- Виноват, Матаран-ага, будет исполнено. – Касан в знак покорности поклонился и вышел.

– Махка-ат! Хякима сюда! – Матаран знал: несмотря на свою трусость, Махкат не посмеет далеко отстать и притащит за собой хякима.

Первым вошёл ученик хякима, нагруженный баулами с инструментарием. Далее появилась спина хякима, старикашка затаскивал в комнату Махката, а тот неудачно упирался, хотя был раз в пять толще и больше.

- Мирзо-хяким, не надо, я не смогу...
- Идём, дурашка, будешь помогать, будет потом, что рассказать.
- Мирзо-хяким, брось шебултая, надо дело делать.
- Махкат вырвался и выкатился за дверь.
- Матаран-ага, мне нужны ещё помощники.

– Такой мастер как ты должен уметь посадить гютюша на «трон» сам, без помощи.

– О чём разговор! – хяким вместе с учеником принялся собирать «трон», – Можно, особенно, если Матаран-ага увеличит плату. Но зачем тратить время, напрягаться, суетиться? – если можно всё сделать быстро и спокойно. Пусть гютюш напрягается... ха-ха-ха... кое-чем... хи-хи... в последний раз.

Первый «трон» собрали. Он был похож на окольцованную лапу птицы с широко расставленными когтями. «Кольцо» было с широкой полкой. Голова, тело и руки будущего гютюша намертво крепились ремнями к лапе. Полка держала предплечья рук переброшенных за спину и регулировала высоту посадки преступника. Ноги в коленях и щиколотках крепились к боковым «когтям», задний раздвоенный «коготь» и передний «коготь» служили для устойчивости, причем в основании переднего было направляющее отверстие для кола. Человек, усаженный на «трон», оказывался в полусидящем положении на широко раскинутых коленях без малейшей возможности пошевелиться.

Был собран второй «трон», и Матаран, поддавшись наущениям хякима, приказал Махкату помогать ему.

– Махкат-джян, будь внимателен... хе-хе... учись. У Матарана-аги много врагов развелось, пора иметь... хи-хи-хи... личного хякима.

Мирзо-хяким искусно, но не очень осторожничая, разрезал одежду на Гударе и Гахрамаре, чтобы её можно было сорвать не напрягаясь и не сильно пачкаясь.

Махкам, бросая жалобные взгляды на хищно улыбающегося господина и тоскливо вздыхая, покорно внимал и выполнял указания болтливого хякима. Впрочем, также как и Ишан, и Мартан, которых шустрый старик тоже сумел запрячь в работу. Впятером они быстро справились с сопротивлением пленников, и голыми усадили каждого на свой «трон».

Чистюля Махкат горестно чистился, – как он и подозревал, близкое знакомство с врагами хозяина, ни к чему хорошему не привело.

Касан и ещё двое нукеров внесли и устроили на дуване раненого Мухтияра – всего в крови. Кровь и сейчас ещё сочилась сквозь грязные тряпки, которыми его небрежно перевязали. Матаран присел рядом:

- Что скажешь, Мухтияр?
- Что прикажешь, Матаран-джян, я твой верный пёс. Хочешь – залаю, хочешь – язык проглочу... только не забудь, что обещал... Мне плохо, очень плохо... потерял много крови...

и нога... помоги, пожалуйста... я тебя люблю... не бросай... пожалуйста меня и моего отца... пожалуйста... умо...

– Ну, что ты... что ты, Мухтияр, конечно!.. – Матаран оскалился широкой улыбкой. – Мы же ещё щенками вместе играли в фудаинов. Можешь на меня положиться.

Матаран забыл про улыбку:

– Где Лийла и Лойла?

– Не знаю, Матаран-джан. Их куда-то отправили, а затем и всех остальных женщин. Кроме одной. Биркули срочно понадобились деньги. Много денег. Они перестали платить – и много людей ушло от них, а нескольких особо настойчивых, кто требовал оплаты, убили.

– Не знаешь... Плохо! Очень плохо, Мухтияр!.. А куда делся Гухрихар, знаешь?

– Он давно уехал... куда-то далеко, ради какого-то необычного и очень важного дела. И пропал. Мне кажется, Гудар и Гахрамар собирали выкуп за него. Гудар хотел на днях уехать и, тоже надолго. Так все говорили.

Мухтияр был бледен, лицо покрывали бисеринки холодного пота, говорил он с трудом, часто останавливаясь отдышаться и собраться с силами.

– Это всё, что ты знаешь?

– Виноват, но больше узнать было невозможно – в курсе были только Биркули, а они говорить об этом не хотели... Мне плохо... простите...

– Ты составил списки тех, кто задел мою честь?

– Да, господин, макаронина зарыта под кустом салычи, за четвёртым деревом, если считать направо от ворот.

– А ты?.. Ты виноват?

Мухтияр со стоном приподнялся и, схватив руку Матарана, прижал её к губам и зарыдал... Матаран осторожно отнял руку.

– Я не хотел, господин... Биркули... они убили бы меня, если бы я этого не сделал, и я... я не выполнил бы вашего задания, Матаран-ага. Биркули заставили всех своих людей надругаться над Лийли-кысы.

Мухтияр беззвучно заплакал. Матаран помолчал, потом сказал:

– Ясно, лежи – отдыхай.

Он встал и подошёл к братьям Биркули.

– Ишан, раствори кляпы у ублюдков. Сначала у Гахрамара.

Матаран несильно, но весомо двинул Гахрамара в пах и тот заорал, плеваясь кляповой жидкостью.

– Это только цветочки, гютюш. Ягодки будут, если не захочешь отвечать.

Гахрамар разразился грязными ругательствами, стараясь как можно сильнее задеть честь Матарана и его семьи...

– Не старайся – так просто ты не умрёшь. Забейте ему хлебало.

Гахрамар, сжав рот, оскалил зубы. Ишан ударил его в губы, вонзил пальцы в ноздри, рванул вверх и, вторично стукнув в подбородок, кинул в приоткрывшийся рот горошину кляпа, сразу взрывно разбухшего и застывшего там губкообразной массой.

Матаран вытащил из-за пояса яджал и нажал на рукояти кнопку. Лезвие выдвинулось и мгновенно нагрелось до белого свечения. Матаран на чуток воткнул лезвие в правое плечо и стал что-то витиевато вырезать от плеча вниз. Запахло палёным мясом. Тело Гахрамара напряглось и пошло судорогами мышц; лицо и глаза набухли кровью, потоком полились слёзы; вздыбились и на глазах стали сесть волосы...

– Если захочешь отвечать – кивни. А я пока напишу, кто ты есть. Гютюш – гютюшом. Точку я поставлю на самом интересном месте... Точку или многоточие...

Рухнул в обморок Махкат – шумно и точнёхонько на кучу ошметок, бывших недавно одеждой братьев.

Немного отвлёкшийся, Матаран вновь обратил внимание на жертву.

– О-оо, – Матаран остановился, – ты же не можешь мне кивнуть. Ладно, если надумал отвечать поморгай, не хочешь – лучше зажмурь глазки, а то они у тебя вылезут раньше времени.

Гахрамар заморгал.

Ишан вонзил запал в кляп. Кляповая масса забурлила, стала разжижаться, растворила запал и полилась пеной изо рта.

Гахрамар некоторое время откашливался и отплёвывал остатки кляпа.

– Убей меня! Если ты киши – убей, не мучай...

– Где Лийла? Где Лойла?.. Ну! – Матаран кольнул яджалом.

Гахрамар заорал-застонал-зарычал...

– Говори! Говори!.. – Матаран кулаком стал хлестать по щекам пленника.

– ...Хг-грра... Продали в бордель. Обеих... Ха-ха-ха-хи-хи-ха... За Лойлу дали втрое больше! Ха-ха-хи-хи-хи...

– Где деньги?

– Ха-ха-ха-гха-гха... – Гахрамар не переставая хохотал и Матаран ещё раз ткнул его яджалом, – А-ааа-агх!.. Деньги? Ту-ту – деньги... – и Гахрамар опять захохотал, уже не обращая внимания на уколы яджалом, хохоча все глуше и глуше – хохот переходил в сиплый хрип...

Хяким сделал Гахрамару инъекцию поддержки – на всякий случай, чтобы он вдруг не сдох.

Гудар не ругался. Отплевавшись, он сказал:

– Ничего не скажу. Режь, коли – буду молчать. Умру, как киши, молча. Убивайте. Смогу, сам вас убью. Оскорблять не буду – это сила слабых. Я сильный.

– Ну, что ж, Гудар, муки от тебя никуда не уйдут, но пока посмотри, что ждёт тебя, на примере брата. Мирзо, начинай огютюш Гахрамара.

– Зачем мучаешь сумасшедшего? Лучше убей.

Ответил, хихикая, старый хяким:

– Гудар-гютюш, гютюшу ум не нужен, важно что у него посредине, а не наверху.

– Если смогу – убью, старый обезьян, или заставлю самому себе огютюш делать.

Старик в ответ захихикал:

– Ты уже многого не сможешь! Но не беспокойся, Мирзо-хяким добро помнит – ты хорошо платил. Что могу, то сделаю: из тебя гютюша суперлюкс сделаю. Большой успех будешь иметь!

Вытащив из угла и оторвав от процесса самоочищения, хяким заставил Махмата поливать Гахрамара зелёным киселем, выдающим волосы, а ученика обтирать этим киселём безумца. Скоро Гахрамар стал лысым. Абсолютно весь. Затем хяким сделал несколько инъекций в область груди, там же в определённой последовательности покрыл кожу мазями и ввёл под неё наполнители. В результате мужская грудь превратилась в шикарную женскую.

Потом «трон» с безумцем положили на спинку, и хяким лишил орущего хрипом Гахрамара гениталий, обработал и подготовил для трансплантации вагины нужное место.

Вытаскивая из термоса вагину, Мирзо-хяким похвалялся:

– Лучшее из лучших приготовил! Непростые – специальную породу ищцаков развожу. Лучше ни у кого нет! Тебе, Гудар-гютюш, самую хорошую оставляю – самую большую!

Гудар, стиснув зубы, молчал и дико напрягал мышцы, надеясь разорвать ремни.

После трансплантации Матаран спросил у любующегося своей работой хякима:

– Когда можно начинать?

– Я думаю через полчаса. Через пятнадцать минут клей всё свяжет, ещё пятнадцать минут и сосуды окончательно образуются. Смотри, уже розоветь начала!

– Касан, иди объяви, чтобы все готовились к набаданге. Через полчаса свеженького гютюша пробовать будем!

Мирзо-хяким ласково погладил плечо Гудара:

– Ты будешь гордиться, что я тебя огютюшил. Мирзо-хяким – настоящий мастер.

Гудар клацнул зубами.

– Матаран-киши, слушай. Ты победил. Мы проиграли. Я всё, что хочешь, расскажу. Если надо покажу. Только одно условие: казни нас без позора. Не хочу позора, хочу умереть, как киши – от пули или от кинжала. Лучше от твоей руки. Гухрихара тоже так убей, если захочешь искать и если найдёшь. Дай слово киши.

– Даю слово. Всё расскажешь – Биркули умрут с честью.

– Матаран-ага, вай! У меня две вещи пропадают! – заволновался хяким. – Ты мне обещал тройную работу.

– Убирайся, старик, оплату получишь, как обещал – тройную.

Гудар попросил:

– Убей брата! Не могу его видеть таким!

– Э-ээ, нет, Гудар, сначала ты мне всё расскажешь: куда продали Лийлу и Лойлу, куда дели деньги, куда сбежал Гухрихар, и какие-такие у вас были тайные дела и помощники.

– Хорошо, слушай...

Гудар начал было отвечать на поставленные вопросы, но его прервал Матаран:

– Подожди, – и окликнул выходящего хякима, – Мирзо-хяким, выбери в подвале понравившихся тебе биркулинцев и доделай работу. Я своих людей не хочу обманывать, что обещал, то и будет.

– Говори, Гудар...

Час спустя, выходя из дома, Матаран приказал Касану:

– Мухтияра казнить почётно – зарезать. Гютюши пока пусть живут. Всех остальных убить. Гудара оскопить. Обоих Биркули ослепить и на кол, но сначала набаданга! Им первым! Это будет честью для Гахрамара и Гудара!

Глава пятая

Спустя две недели и три дня

*17157 год, 18 мохххама, 4 часа дня, столица Иккаби,
приёмная Беюкбашвазира по Завнешним Сношениям.*

Матаран нервничал – он уже больше трёх часов ждал вызова. Ладно час – на полчаса он пришёл раньше, ещё полчаса томления – для солидности учреждения, но три часа сверх назначенного времени – это что-то не то... Матаран нервно заёрзал в кожаном кресле, ревниво оглядывая полтора десятка других посетителей – все они пришли много позже его.

Неужели кому-то наверху не понравилась расправа над Биркули? Или он ненароком как-то задел чьи-то высшие интересы? Нет, вряд ли. Ему бы дали об этом знать не трёхчасовым протиранием штанов, а чем-то посерьёзнее. Или... это начало?

Как он мог задеть чьи-то высокие интересы? Разгромом борделя, куда продали его Лийлу? Так там всё было подстроено, чтобы указать на Биркули: несколько трупов нападавших, бывшими их людьми, не зря были оставлены... Не прошло? Может быть... Тогда значит, не понравилась чересчур крутая расправа с посетителями борделя? Но по-другому он поступить не мог: мало ли кто из них уже... побывал с Лийли... или мог узнать всё про неё... Допустить этого было нельзя! Все должны понимать. Бордель-кысы не место в его гёхъеви! А молчат только трупы. И никто не слушает бордель-кыс, тем более полоумных. Многознавший покойный Мирзо-хяким уверял, что последствия таких операций на голове необратимы. И поведение Лийлы-гёхпери пока это подтверждает. Да, и где их слушать, – все они проданы за пределы провинции в разные бордели, ради этого он даже пошёл на убытки.

Скорее всего, кто-то из прирезанных в борделе оказался родственником большого человека... Придётся платить отступного... А может переданный бакшиш (сто тысяч дирхемов) оказался недостаточно большим?!..

Не должно быть – он советовался со знающими людьми. Больше полагается только Беюкбашвазірам Порядка, Силы, Правосудия и самому Шаху!.. Э-э, скорее всего они считают меня слишком мелкой сошкой, деревенщиной лезущей вперёд. Где Тюлькили, и где Шах-город?! Отсюда даже гор не видно. Да, в столице Херим Еги Матаран, может быть, и недостаточно уважаем, и неизвестен, даже после того, как славно постоял за свою честь и расправился с Биркули!

Нет, не может быть, чтобы совсем не знали!.. Или... О-о-о! Кажется, он понял: при той известности и уважении, которое он снискал, такой маленький бакшиш – неуважение к Беюкбашвазіру Завнешних Сношений. Проявил неуважение – терпи неуважение к себе. В-ва! – за сто тысяч он ещё просидел бы три часа...

– Херим Еги Матаран.

Наконец его вызвали!

Сопровождающий провёл Матарана к двери с цифрой "8". В среднем по размерам кабинете (Матаран бывал и в больших) его ждал хорошо одетый солидный седой юлдугаш.

– Счастлив вас видеть, Ваше Высокопревосходительство.

– Садитесь, Херим Еги Матаран. Вы ошиблись, я не Его Высокопревосходительство Беюкбашвазір по Завнешним Сношениям. Я его заместитель.

– Ваше превосходительство...

– Молчите, Херим Еги! Будете говорить, когда я разрешу. Нам нужны разъяснения. Нас удивило ваше желание отправиться на другой конец Галактики, на холодную негостеприимную планету. При этом вы согласились заплатить втрое больше залога – три миллиона дирхемов. Нас интересует, что вами движет. Уж не собираетесь ли вы скрыться, совершив какое-то преступление? Не надеетесь ли вы, что расстояние спасёт вас от гнева халлаха и убережёт от праведного суда Шаха? Я слушаю, Херим Еги.

– О-о! Ваше превосходительство, как можно было такое подумать про меня – верного раба халлаха и слуги Шаха! Причиной является только моя усталость, следствие преследующих меня несчастий: моя невеста была похищена, убиты сначала тёща, потом тесть и ещё несколько моих родственников скоростижно скончались. Слава, халлаху! – он был справедлив ко мне: всё кончилось хорошо. Но моё здоровье оказалось серьёзно подорвано, и врачи посоветовали мне отрешиться от окружающих проблем и отдохнуть где-нибудь подальше, где всё другое и, как раз тогда, мне на глаза попала и запала в душу туристическая реклама этого мира. Такой интересный мир... Там нет жары...

Его превосходительство юлдугаш Заместитель продолжал ждать...

– Я сделал всё, как требует закон. Оплатил залог... – в действительности, залог много раньше оплатил Гудар Биркули.

Никаких комментариев Заместителя...

– ...оплатил туристическую поездку. И даже страховку оплатил...

Матаран подождал и вкрадчиво добавил:

– И проявил должное уважение к Его Высокопревосходительству Беюкбашвазіру по Завнешним Сношениям...

– Это всё, что вы можете сказать? Неубедительно, Херим Еги. Есть десятки ближних миров, не говоря уж о курортах у нас, где великолепные условия, лучше климат и много, много дешевле. Вы непохожи на транжиру, если всё, что мне доложили о вас, правда. Да и поистратились вы, Херим Еги Матаран, в последнее время предостаточно – при своих-то неприятностях... Ведь не нажились же вы на них?

Матаран молчал, соображая – куда это клонит Заместитель?

– А тут расходы больше нужных... И курорт очень и очень подозрительный. Вы, может быть, не знаете, что четверо из пяти туда отправившихся обратно не возвращаются. Не желают. Или теряются и их не ищут. А из тех, кто оплатил страховку, каждого двенадцатого, возвращают в морозильниках – в весьма неприглядном виде. Отдых с душком, Херим Еги. Может быть, вы передумаете, и выберите отдых попроще? Легче для кошелька и без непредвиденных последствий? Я слушаю вас и жду более убедительных и правдивых доводов в пользу вашего выбора.

– Вы правы, юлдугаш Заместитель, я не все до конца рассказал. Мне казалось, что таким занятым людям, как вы, неинтересно знать те личные мотивы, что движут мной. Я с горечью сознаю: я не до конца отмыл свой позор – один мой обидчик укрылся именно там, куда я рвусь отдохнуть. И я, как говорится, стремлюсь одной верёвкой укротить сразу трёх ищцаков – посчитаться за обиду, отдохнуть и заработать.

– Вот теперь ваши слова похожи на правду. Да, кажется, ваше желание достаточно обосновано, и мы вас зря подозревали... Но нам нужно будет всё ещё раз обдумать, проверить. Я надеюсь, что вы нас *у-ва-жа-е-те* и понимаете, что меньше чем за *пять-десять* недель мы не сможем дать вам разрешение на выезд.

Матаран решил поторговаться:

– Юлдугаш Заместитель, моё уважение к вам не знает границ, но вы войдите и в моё усталое положение и, может быть, найдёте возможность решить вопрос дня за *два* или *десять* ?

– Трудно. Но... можно. Да, это минимальный срок решения, на который мы можем согласиться.

Матаран приготовил в ладони две ассигнации по десять тысяч дирхемов.

– Ваше превосходительство разрешите мне недостойному, в знак уважения, облобызать вашу руку?

Матарану благосклонно разрешили. В момент проявления уважения ассигнации из ладони лобызателя перешли в ладонь лобызаемую.

Глава шестая

Спустя ещё двенадцать дней.

17157 год, 30 мохххама, 2 часа ночи. Космодром «Хялзлилик». 13 терминал, багажное отделение, «зелёный» коридор (погрузка животных и растений).

Служитель преградил дорогу Махкату.

– Извините, вам не сюда. Проход на посадку через два отделения.

Махкат покорно остановился. Сзади на него налетел Хахтияр:

– Слушай, двигайся. Я сам еле хожу – тебя должен толкать, да?!

– Сюда нельзя, здесь приём багажа. Уважаемые, прошу удалиться.

– В-ва! А мы кто?! – Хахтияр пошёл на служителя. – Мы тоже багаж.

Служащий рассмеялся:

– Вы люди. Возможно, пассажиры, но уж никак не багаж.

– Мы живой багаж, – возразил Махкат. – На нас документы есть.

– Уважаемые, хватит шутить. Дошутитесь!

– Какая шутка! Тебе говорят: живой багаж, есть документы, даже печать и наклейка есть. Ты совсем тупой, слушай, наверное, городской. Да? Махкат повернись, покажи свою задницу.

Хахтияр развернул Махката и показал служителю наклеенную сзади голографическую штамп-наклейку «ЖИВОЙ БАГАЖ». Приподнял полы своего халата, повернулся и, нагнувшись, показал аж две свои такие же наклейки.

– Смотри, городской, – у меня целых две! Им тоже не веришь, да?

– Вы что серьёзно?! Гулло-ос! Зови багаж-мастера. А вы стойте. Стоп! Ты куда?! – служащий схватил Хахтияра за полы халата, когда тот рванулся вслед за клеткой с магстилом.

– Ты чё халат рвешь?! Гютюш! Зарежу!

Служащий отпрянул.

– Издеваешься, да?! Этот сын ищцака и крокодила в клетке – живой багаж, а я нет. Да!? Я хуже, да!? Я дохлый багаж, да?! Его одна наклейка правильная, а мои две нет. Да?!

Провезли несколько прозрачных контейнеров с редкими карликовыми породами домашних китиков. На каждом контейнере была та же наклейка. Это ещё больше разволновало Хахтияра.

– В-ва! Этот малюсенький китик живой багаж. А я нет! Пошли Махкат, этот шебултай ничего не понимает. Не мешай! Убью!

Испуганный служащий посторонился, но не успели Махкат и Хахтияр сделать пяти шагов, как сзади на них набросились стражи правопорядка и стали скручивать.

– Матаран-ага, Матаран-ага... – заблеял Махкат.

– Ишан, на помощь! Матаран-агу не уважают! – Хахтияр отбивался. – Его живой багаж быют!

Ишан всё видел, но поспешил не на помощь, а к Матарану – доложить.

Уже полчаса бился Матаран с багаж-мастером корабля, доказывая ему, что Махкат и Хахтияр являются обычным живым багажом, точно таким же, как и любой другой, – они оплачены по живому весу, и по количеству голов. Везде и все с этим согласны (нигде и никто не отказывался от бакшиша), только на корабле почему-то этого не могут понять. Он готов оплатить это непонимание. «Что?! Этого тоже не понимаете!?» Пробить тупость космолётчика было невозможно. Правильно говорят: против глупости бессилён сам халлах. Что ему не говори, твердит одно и то же: «Люди не могут быть багажом, только пассажирами». На ищцака стал похож – лицо такое же тупое и длинное... Придётся обманывать, как упрямого ищцака.

– Слушай, ты твердишь «люди, люди» – где ты людей видел?

Вспотевший багаж-мастер тупо уставился на Матарана.

– А живой багаж?.. А ты... вы?

– Бритый обезьян тоже на человека похож. Пересмешник точно также говорит. Их можно живым багажом перевозить?

– Их можно. Слушай, дорогой, отстань, а? Не я не хочу – правила, корабельный устав не разрешают людей перевозить в багаже...

– Опять люди. Какие – люди?! Где ты людей видел?

Багаж-мастер обалдело уставился на Матарана.

– Что-о??

– Горные гурду – это снежные хейваны. Если совсем маленькими поймать становятся как люди, только одежду не любят и на четвереньках норовят побегать. Ты видел какие они волосатые, где ты таких волосатых людей видел?

Багаж-мастер посмотрел на заросшее бородой лицо Матарана и открытые по локоть волосатые руки... и сомнительно покачал головой:

– Но ведь они в одежде и стоят на двоих.

– Культурные потому что! Но за этим дело не станет, дорогой. Раз правилами положено – будут на четвереньках и голышом. Хотя, слушай, жалко: совсем учёные, дрессированные гурду. Махката лично с детства дрессировал; правда, Хахтияр совсем недавно ко мне попал – ещё чуть-чуть дикий...

– Нужны справки о прививках, разрешения на вывоз...

«Тридцать тысяч...» – посчитал в уме Матаран.

– И нужны две клетки...

«Сорок тысяч...» – уточнил Матаран.

– Всё будет через полчаса, дорогой. Держи сувенир. Бери, бери! Мы договорились!

Матаран лично решил присмотреть за погрузкой своего багажа – мало ли что могло ещё случиться. И порадовался, что не предлагал родственникам поехать багажом, а Касан отказался – сейчас они скорее убили бы его, но на такой позор не пошли бы...

Клетки были одного размера, и Махкат еле помещался в своём узилище, пребывая там в философской обреченной прострации. Прикрыв ладонями срам, он вперил взгляд в куда-то ему одному ведомое. Хахтияру было значительно вольготнее: он бросался из одного угла в другой, тряс прутья и корчил рожи.

Капитан корабля тоже присутствовал при погрузке живого багажа и разговаривал с багаж-мастером. После он подозвал Матарана и сообщил:

– Если эти психи вздумают встать с четверенок или заговорить я оштрафую тебя на пол-миллиона.

Матаран подождал и, когда капитан удалился, подманил к себе багаж-мастера и всучил ему пяти тысячную купюру:

– Слушай, дорогой, подойди к моим гурду и передай от меня, что мне легче их похоронить, чем штраф за них платить. Э-э... Не делай такое удивлённое лицо – они очень культурные гурду, всё понимают. И тебя поймут, если на тюлькили будешь говорить. Скажи: пусть будут как в горах – не совсем культурные. Всегда на четырёх лапах и не распускают язык – как Баррс. Хахтияр его знает. Скажи: яджал у Матарана всегда наготове.

30 мохххама 17157 года в пять часов утра космический лайнер «КунГРАВ» стартовал с космодрома «Хяллилик» планеты Отушзтан.

Часть вторая

Безумный, безумный, опасно-сладкий Зарабадж

*ЛЮБОВЬ – безумие блаженных в пустыне наслаждения.
Фандемири (афоризмы из цикла «Мысли безумца»)*

Глава первая

Матаран шагнул в каюту и застыл...

Месяц перелёта, три пересадки – Матаран был переполнен впечатлениями знакомств, экскурсий и хлынувшим потоком новой информации, но внутренняя настороженность, взращённая полугодовой войной с Биркули осталась.

Матаран уставился на папку, оказавшуюся у него на столе. Когда он уходил стол был чист и пуст. Матаран медленно задвинул за собой дверь и, не отрывая взгляда от папки, шагнул к столу. На папке было крупно вытеснено: «Пособие для туристов».

«Тьф-фу! – опять сервис-мервис». Матаран с лёгким сердцем взял и раскрыл папку. Вторая половина папки оказалась плоским компом-пэстином. Изнутри на обложке находилось три десятка гнёзд для минимакаронин, но почему-то кроме одного все остальные были пусты.

Экран компа покрылся вязью письмён. Одна строка была на тюлькили: «Наберите регистрационный номер вашей путёвки».

«Успею...» – Матаран швырнул папку на стол и упал на ложе, занимавшее почти полкаюты: «ночная жизнь» турлайнера (выпивки, интрижки, танцы-шманцы-обжиманцы) выжимала все соки – необходимо было отоспаться и набраться сил для... следующей такой же «ночи».

Давно потеряв счёт дням, путая условный «день» с условной «ночью», он не знал, что следующей загульной «ночи» не быть – через шесть часов турлайнер прибывал к Зии.

Разбудила Матарана бодрая маршевая музыка, экран самовольно включившегося визора показывал какую-то схему в движении. Время от времени марш прерывался, и Матарану сообщали, что до старта и отправки гондолы в Турцентр Зии осталось столько-то минут и в случае опоздания все издержки несёт сам турист, схему прохождения к гондоле демонстрирует визор, советовалось быстрее собираться и не забыть прихватить с собой личные вещи и «Пособие для туриста».

Это был гром среди ясного сна – почти ничего не соображая, кроме того, что надо спешить, Матаран, автоматически выполняя указания диктора, быстро-быстро собрался и помчался к гондоле.

Матаран успел: оставалось девять минут до старта. Пассажирский салон был заполнен наполовину – человек сто – и ни одного знакомого. Матаран заговорил со стюардом и тот успокоил его: багаж доставят отдельно, специальным катером. А эта гондола предназначена для облёта планеты, показа с космической высоты её городов и достопримечательностей, и доставки в Турцентр остающихся на Зии туристов. Экскурсия займёт около четырёх с половиной часов: гондола сделает несколько витков вокруг планеты, снижаясь над особо интересными районами. Всё как обычно, и покормят в положенное время во время экскурсии.

Гондола стартовала почти незаметно: чуть дрогнуло кресло и мигнул свет. В салоне потемнело и... вдруг внутрь вломился космос с мириадами звёзд!!!

Справа быстро уменьшалась громада туристического космолайнера, слева сияло белое яблоко планеты, а впереди нестерпимо пылала точка здешнего солнца, впрочем, автоматика быстро снизила сияние до приемлемого блеска.

Матаран судорожно до боли в пальцах вцепился в подлокотники кресла: пассажирский салон исчез, пропали соседи. Остался он и Великий Космос!

О том, что он не выброшен, а всё ещё в гондоле говорили лишь голоса: восхищенно испуганные взбудораженных туристов и спокойно разъясняющий гида. На прогулочно-экскурсионных катерах Матаран уже не раз вот так любовался вселенной и она всегда поражала его величием халлаха, создавшим её. Но впервые это было так открыто! В упор!

Великий Космос раздавил и потряс его! Что он?! – ХАЛЛАХ был песчинкой!!! Его халлах – халлах, который был в душе и иным быть не мог... и не представлялся... Ничто не сравнится с бездной, если ты прочувствуешь её...

Пока Матаран боролся с шоком и, заполонившими его чувствами, Зия стала расти и чем ближе, тем быстрее, вскоре наполовину заполнив Великий Космос.

Лишь редкие перистые облака пытались прикрыть нагую планету, бесстыдно сияющую белизной льда и снега. Достопримечательностями планеты являлись горные пики и незамерзающие озера, вулканы и безбрежные плоские равнины замёрзших морей и океанов с зрачками стеклянного льда, долины ледяных лабиринтов и, редко встречающиеся, сине-зелёные накипи лесов древесного мха, и города, различающиеся друг от друга только размерами и конфигурацией и похожие сверху на разноцветные сборища громадных шатров, теснивших друг-друга.

Турцентр стоял в стороне от всех городов, и был просто безмерно большим домом-гостиницей – одним мегашатром. Большая часть туристов осталась, а остальные уже на катере, а не на гондоле, возвратились на турлайнер. Оставшихся быстро расселили, выдали сенсор-переводчики, жетоны на питание, туркарты и миникарtonы с дополнительной информацией (Матарану досталось больше всех: аж пять).

Туркарта Матарана на трёх языках (один: тьюльки) разъясняла: где, чем, и как пользоваться в номерах; где и что находится в Турцентре. И, главное, поясняла, что обязательно надо сделать туристу: выбрать место проживания в Зарабадже, заказать транспорт (см. Пособие для туристов), разменять валюту, плюс выразить особые пожелания, если таковые имеются, и оплатить их.

Номер Матарана оказался двухкомнатной квартирой со всеми удобствами. Кухонный автомат, проглотив жетон, тут же предложил на выбор полсотни блюд и напитков. Плотно пообедав и приняв начальную дозу спиртного для взбадривания (для веселья он будет пить потом, и не один, а с гёхочками в танц-баре), Матаран решил узнать о судьбе своего багажа и навести справки о Гухрихаре. Справочная служба сообщила, что с багажом всё в порядке – уже прибыл и завтра вместе с ним будет отправлен в Зарабадж, и к тому же времени будут собраны и переданы ему за соответствующую плату все сведения о его родственнике.

Сытый, повеселевший и успокоенный – всё шло тип-топ, Матаран решил ознакомиться с «Пособием для туристов», хотя предполагал, что в принципе, всё, что надо он уже знает, кроме мелочей вроде выбора конкретного места обитания в Зарабадже.

Он ошибался – он быстро понял это, знакомясь с пособием. Уже внимательнее изучая пособие, он догадался, что не просто ошибался, а очень сильно ошибался. Но даже после этого он представить не мог, насколько сильно ошибался.

Матаран набрал регистрационный номер своей путевки, и на него сразу посыпались сведения с экрана и из динамика компа. Вначале комп сообщил то, что он уже и так знал:

– Место прибытия: Система звезды Жолты /Галактика – сектор ВР – 41-57/ созвездие «Спокойное V» (экран казался смотровым окном звездолёта влетевшего в Скопление галактик, потом в саму Галактику и пролетевшего в ней до условно выделенного сектора ВР, и там нырнувшего в объём пространства 41-57, направившись к скоплению «Спокойное V», где и вышел к звезде Жолты).

– Время прибытия: Точное общегалактическое время (дополнительно указывалось бортовое время турлайнера и среднее время Отуштана) когда турлайнер прибудет к Зии (третья планета семипланетной системы звезды Жолты).

– Отъезд на Зию: На туристической гондоле (описывались её особые достоинства) через два часа после прибытия (описывался маршрут гондолы).

– Зия: Прибытие гондолы в Турцентр в такое-то время /плюс-минус/... (описывался Турцентр).

Затем пошла более интересная информация:

– ваша путёвка предполагает долгосрочное пребывание и ознакомление с городом-домом Зарабаджем со следующим туристическим обслуживанием... (описывался перечень бесплатных, а затем платных услуг).

– вам предлагаются для поселения... (далее шло описание и характеристика мест поселения).

Этот раздел пособия Матаран изучил особенно внимательно, несколько раз прокручивая вперёд и назад. Напрасно, можно было и не выбирать, согласно рекламным описаниям все варианты были похожи: один другого лучше. Матаран решил выбрать самый большой комплекс. Причина проста: больше комплекс – больше гёхочек, больше мест для знакомств с ними.

Далее сообщалось, что этот вид путёвки предполагает самостоятельное ознакомление с Зарабаджем, но при желании за дополнительную плату можно посуточно нанимать: гида; гида-телохранителя; гида и двух телохранителей; гида, спецмашину и трёх телохранителей.

Последнее Матарану очень не понравилось: его стали мучить нехорошие предчувствия – вспомнился разговор с Заместителем о морозильниках...

Далее комп сообщал, что для ознакомления с более подробной и приватной информацией о Зарабадже, не имеющейся в туристических проспектах, но которая чрезвычайно полезна /особенно для лиц решивших самостоятельно знакомиться с городом-домом и его жителями/, надо просмотреть дополнительные минимакаронины, которые прилагаются.

Надо! Не зря юлдугаш Заместитель намекал на возможные неприятности...

И, несмотря на то, что душа Матарана уже трепетала в танц-баре, а тело и сердце стремились туда же, разум и осторожность заставили его начать просмотр первой минимакаронины. А потом ещё одной, полученной уже здесь, но уже фрагментарно – время уходило поразительно быстро, и скоро мог потеряться смысл похода в танц-бар.

Всё что показывалось или почти всё Матаран уже видел в рекламных роликах, а вот комментарий был несколько другой... Скрепя сердцем, Матаран осознал, что сегодняшний праздник ночи не для него и ему не придётся играть так понравившуюся ему роль недалёкого, но лихого весельчака, миллионера-женолюба. Можно уже не спешить. Гулянка уже практически сорвалась – к этому времени неразобранными оставались или самые страшные или самые ерепенистые гёхочки – и те, и другие противные, а просмотреть оставшиеся минимакаронины – хочешь-не-хочешь, а надо. Надо – неприятное слово, о существовании которого он почти забыл за месяц отдыха, но вот подошло время дела, и оно, непотопляемое, всплыло. Как дерьмо. А не захочешь с ним возиться, пачкаться – сам утонешь.

Времени было мало даже на выборочное фрагментарное изучение массива информации на четырёх, нет, даже на пяти минимакаронинах – необходимо ещё раз пройти по первой, полученной здесь. А кроме того надо было ещё успеть переварить уже выуженную информацию. Что может ему здесь грозить? И чем?? Какие неприятности ждут, какой ущерб? И чем? Надо узнать! И просчитав варианты, необходимо до завтра успеть предпринять соответствующие шаги.

Для более комфортного просмотра Матаран решил использовать внутриномерной пэстин с выходом на визор. Принеся из кухни напитки и орешки, Матаран поудобнее устроился в

кресле, выключил свет и начал просмотр. Он часто сверялся с временем и всё больше и больше нервничал...

Главное, что понял Матаран: Зарабандж, увы, это не рай и не обиталище гурий, обожающих мужчин, как подавалось в рекламе, а суровый больной мир. Болезнь косила в основном мужчин, убивая и сводя с ума, перед этим делая их импотентами. Процветала наркомания. Обычное оружие было запрещено. И если бы не это, наверное, эти сумасшедшие гютюши, обитающие здесь, быстро перебили бы друг друга.

Матаран ещё раз просмотрел фрагменты четвёртой минимакаронины с подробным психопатологическим и патологоанатомическим анализом последствий паразматизации, иллюстрированные примерами. В комментарии, подводящем итог, заключительные слова были убийственны:

«... На сегодняшний день, ПАРАЗМАТИЗАЦИЯ – это АБСОЛЮТНО НЕИЗЛЕЧИМАЯ БОЛЕЗНЬ, независимо от того на какой стадии началось лечение. Лечатся лишь сопутствующие болезни, и тормозится нервно-психический и умственный регресс больных. Помочь страдающим этим недугом, практически НЕВОЗМОЖНО БЕЗ НАСИЛИЯ над личностью, что чревато в любом социуме перерастанием физической болезни индивидуумов в самую СТРАШНУЮ БОЛЕЗНЬ ОБЩЕСТВА – ТОТАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ с обесцениванием прав каждого на свободомыслие и саму жизнь».

Матаран затосковал... Тоска ела поедом – он не знал что делать. Болезни – это дело хякимов, а тут и они бессильны. На ум ничего путного не приходило. Ему ужас как не хотелось ехать в этот шейтаном проклятый город, хотя бы его там ждали тысячи гурий. Зачем они ему, если он станет неизлечимым импотентом?! Тогда он, точно, также озверевает и сойдёт с ума, как все местные мужчины! Паразматики. Нет, он не хотел стать паразматиком-гютюшом ни за деньги, ни даже ради свершения мести. Что это за месть, когда не ты огютюшиваешь врагов, а сам становишься гютюшом? Так отомстить можно только женщине... В-ва-ай... Что за ерунда лезет в голову? Какая это должна быть женщина, чтобы так ей отомстить?! Нет таких женщин!

В-ва-ай, в-ва-ай... – что делать???

Столько денег выброшено и всё напрасно?!

Да, хрен с ними, с деньгами! – лучше я вернусь обратно мужчиной!

Теперь понятно, почему большинство не возвращалось... Почему Гухрихар не вернулся... Он бы сам вернулся – импотентом или гютюшом?..

Гютюши! Здесь карантин пора объявлять, а они, ишщаки, туристов заывают!

Из недр далеко не нежной души Матарана через уста вырвался поток чёрных проклятий и ругани... Г.....а! С... ..й!! Х... ..!!! П... ..ы!!!!

Выпил бы за ужином на пару рюмок больше и плюнул бы!, точно, плюнул бы! на все эти минимакаронины и просмотры – и так... уу-у-уу-уу!!! ...еле удержался... Вот был бы потом сюрприз! Гёхьеви не нужен, гарем не нужен... А что тогда нужно киши?.. Тогда ты не киши – ты гютюш...

Что делать? что делать? что делать?...?...?...???

Всё!!! Хватит ныть!

Сначала надо решить: ехать ему в Зарабандж или нет. Если нет, то как достать Гухрихара? Как выполнить то, что задумал ещё Гудар: вывезти отсюда десяток-другой гурий, страдающих от безмужичья?

Гухрихар?! На Гухрихара плевать! Он уже гютюш, местный гютюш – паразматик. Или мёртв. В крайнем случае, если жив, как с ним поступить решу потом.

Гурии? Да, это задача! – уговорить тутошних гёхочек кинуть родной привычный Зарабандж и уехать с ним куда-то к шейтану на рога на никому неизвестный Отушзтан. Тёплый, ласковый, солнечный, полный голодных мужиков, но... родной чирей всегда ближе и интереснее чужого здоровья.

Вообще-то, это можно по разному обделать. Можно прельстить, наобещать, обмануть, купить, в крайнем случае – украсть или заставить, но как это сделать, находясь в тысячах километрах от них?

Матаран подумал и честно признался себе, что уменьшать это расстояние он уже не собирается. Не поедет он в Зарабадж. Ни за что. Уж лучше здесь на базе отгуляет с туристками всё оставшееся время, пока не удастся на попутном космолайнере сбежать отсюда. Надо только заранее собраться.

Да, а что, в конце концов, делать с живым багажом? Держать их до отъезда, непонятно сколько времени, где-то в камере хранения? Не получится – это не Отушзтан...

Да, и нужно ли?..

– О-о!!! – Матаран аж подпрыгнул от восторга – к нему пришла гениальная идея!!! Зря он, что ли, их через всю Галактику тащил? – пусть решают его проблемы. А он будет и здесь, и там. Там – де юре, де факто – только здесь. Деньги решат всё. Мало ли какие причуды у богатых инопланетян?! Хочу – плачу вдвойне. Кто против?

Решено: здесь буду я, а там за меня Махкат с Хахтияром. Не заразятся – хорошо, заразятся – здесь оставлю, вместо них ещё пару гёхочек возьму.

Матаран срочно связался с сервис-службой, заказал на завтра транспорт, дополнительный сенсор-переводчик (хватит одного на двоих), два комплекта одежды (попроще, желательно зарабаджийской), выразил желание оставить за собой номер на ближайшие две недели (да, с полной оплатой, в том числе и питания) и потребовал немедленной доставки к нему в номер всего его багажа и, обязательно, любимых ручных снежных гурду. Немедленно!!! Он не видел их целый месяц (слеза в голосе). Да, готов оплатить. Запомни, красавица! – тюлькилийцы денег не жалеют!

Глава вторая

Ожидая багаж, Матаран нервно бегал по номеру и никак не мог успокоиться, даже визор не отвлекал от суетных мыслей.

Как всё сложится? Получится ли? Сумеют ли?

Звонок. Матаран побежал открывать дверь. Перед дверью, занимая в ширину и высоту почти весь коридор, стоял длинный кар с баулами и двумя незнакомыми домиками-клетками, положенных одна на другую. В «Хяллилике» его гурду заточили и увезли в других клетках – попроще. Внутри этих новых, в каждой находилось нечто чёрное, безликое, длинноволосое. Матаран не узнавал ни Махката, ни Хахтияра. Какие-то звери. Из верхней клетки раздалось непонятные нечленораздельные животные звуки. Там, вроде, были недовольны причинённым беспокойством. В нижней зашевелились...

И никого рядом. Что делать – непонятно. Не говоря уже о каре, клетки тоже явно не проходили в дверь, чтобы можно было их внести в номер и там поближе рассмотреть их обитателей. И как внести, даже если бы и проходили? Никаких грузчиков.

Кар пискнул и стена, отделяющая номер от коридора вместе с дверью отошла в сторону. Кар въехал в переднюю, ловко разгрузился и, выехав, помчался по коридору, оставив Матарана с открытым ртом удивляться чудесам автоматики. Стена встала на место.

Матаран вошёл в квартиру и воззрился на то, что было в клетках...

Чего этот, который наверху, скалится? Неужели, Хахтияр? Тогда тот, у которого слюни текут, Махкат? Не может быть... Но кто же тогда ещё?!

В-ва! Как они изменились! Хахтияр растолстел, а Махкат, наоборот, похудел. А как обросли!.. В-ва... А они ли это?! Если бы были они – давно заговорили бы... В-ва-ах! Похожи на настоящих снежных гурду... Не может быть! А чего тогда молчат?

С неожиданной робостью в голосе Матаран спросил:

– Махкат, Хахтияр, как ваши дела? Как здоровье?

Верхний гурду чисто по животному загукуал и запрыгал на четвереньках, став задом бить по верху клетки. Нижний, который со слюнями и потолще, заворочался, засопел и, казалось, хотел головой пролезть сквозь прутья клетки.

Вдруг Матаран почувствовал характерный запах. На пол из нижней клетки попало несколько брызг жидкого дерьма.

Нет, это не чистюля Махкат. Может ему действительно подсунули снежных гурду? Ищцаки! Откуда они их взяли?! Где их нашли?.. Здесь что ли? И что теперь делать с этими обезьянами? И куда шейтаны дели Хахтияра с Махкатом?!

Матаран задумался. Капитан, больше некому. Решительный киши. Наверное... в космос с отходами... Чтобы проблем с таможенниками не было...

Э-э... не всё ли равно... Главное... паразматизация!.. Беда в одиночку не ходит: за одной идёт другая и жди следующую...

Всё идёт прахом... Это проклятие тестя! Матаран содрогнулся, вспомнив, что ему под яджалом накликал тесть, в отчаянии схватился руками за шею и, закачавшись, завыл:

– В-ва-а-а... хал-ла-ах... Что-о бу-уд-де-е-ет... что-о де-е-ал-ла-а-ать... В-ва-а-а...

Шепот:

– Мхга-гхга-гран-аггха, мгхо-ожш-шно гхо-вффо-рить?

Шептал гурду-говнюк.

Матаран обалдело уставился на обезьяну: это Махкат?!

Гурду продолжал почти беззвучно вопрошать, прижавшись слюнявой волосатой мордой к прутьям. Вытаращив глаза и оттопырив нижнюю губу, он заговорщически кивал, елозя щеками по железу.

– Гютюши-и... – Матаран вскипал. – Вы что молчите, как будто вам в рот насрали? А? – и Матаран кулаком врезал в лоб Махкату.

Матаран подпрыгнул, сверху испуганно пискнули, и верхний гурду вжался в дальний от Матарана угол. В руке Матарана остался только клочок его грязных волос. Матаран стал смеяться – никакой злости не осталось, одно облегчение и веселье. Душа запела – его как будто целым и невредимым сняли с трона гютюша. Держись паразматизация! – идут снежные гурду!

Матаран отпёр клетки:

– Выходите, снежные гютюши, сраные гурду. Марш – мыть задницы!

Подгоняемые пинками, гурду на четвереньках засеменили в ванную. Конечно, не сложись вместе сразу несколько обстоятельств, Матаран узнал бы их быстро. Не страдай животом Махкат, не будь на них волосатых масок и набедренников, которые им подарил багаж-мастер накануне инспекции, и не помалкивай они поначалу, опасаясь сделать что-то не так, так как не горели желанием испытать обещанное знакомство с яджалом Матарана.

Иногда лучше переиграть, чем недоиграть.

И при всём том – Махкат и Хахтияр здорово изменились – даже внешне. Во-первых, они уже не так разительно различались габаритами, как раньше; во-вторых основательно оволосатились: как им это удалось за месяц – непонятно, то ли радиация виновата, то ли ген какой-то проснулся в отсутствии одежды, то ли вирус какой на них перекинулся от соседей зверей, то ли обстановка ещё как-то поспособствовала. Загадка.

«Ха! Каждому лысому – по клетке!» – мелькнула у Матарана ещё одна гениальная и очень весёлая мысль. Он загоготал. Можно заработать на вечной никак не решаемой проблеме сильной половины человечества. Гениальные мысли, как и несчастья, они тоже поодиночке не бродят. Вернись, проверю на голодранцах решил Матаран.

Изменения в характерах слуг тоже были достаточно заметные, хотя и не такие кардинальные как во внешности. Махкат стал ещё большим философом, время от времени изрекающим очередную мудрость, и в нём поубавилось снобизма и брезгливости. Хахтияр стал

сдержаннее и менее болтлив, но он заразился попугайчей страстью и научился передразнивать животных, с которыми делил жилплощадь багажных отсеков турлайнеров (было несколько персадок). Теперь он к месту и не к месту демонстрировал своё мастерство. Единственное, что радовало Матарана – они научились понимать друг друга без слов.

До утра возился с ними Матаран, приводя в нормальное состояние и втолковывая задания, которые им предстояло выполнить. Он сам старался вместе с ними вникнуть во все мелочи, естественно, ловко обходя молчанием заразу свирепствующую в Зарабадже.

Днём, несмотря на жестокий недосып, Матаран лично проводил слуг и дождался отлёта их самолёта. И лишь много позже, отоспавшись, он обнаружил небольшую пропажу. Куда-то исчезло «Пособие для туристов» вместе со всеми минимакаронинами.

Глава третья

Сразу же после взлёта Махкат и Хахтияр обменялись взглядами. Махкат довольно улыбнулся, а Хахтияр, подпрыгнув, издал победный визг зурдаганского хмыря, до икоты перепугав сопровождающего.

До Зарабаджа летели три часа с лишним. Безликий пейзаж внизу уже через час успел надоест, и они стали выпрашивать сопровождающего обо всём, что шло на ум, и этим здорово допекли его.

– Отстаньте! Откуда я знаю почему зарабаджийцев зовут паразматиками? Я в самом городе ни разу не был. Не знаю! Может быть, потому, что они в друг друга без передыха из паразитров пуляют. Девки там классные, не выпендристые – это да! Больше ничего не знаю, и знать не хочу – мне за это не платят. И, в конце концов, у вас должно быть «Пособие» – там всё есть.

Сопровождающий оттолкнул Хахтияра, загораживающего проход, и ушёл в дальний конец салона. Совершенно не обиженный Хахтияр, узнав от Махката (сенс-переводчик был на нём), что сказал Терон, снова подсел к нему.

– Слушай, дорогой, не злись...

Перекрыв возможность прорыва, подтянулся Махкат и перевёл сказанное.

– В-ва! Садись! – Хахтияр силой усадил вновь было вставшего Терона. – Будь человеком, послушай. Ты говоришь, что там только и делают что стреляют, а у нас всё наше оружие отобрали – антихманное, говорят, нельзя. Даже кинжалы забрали. А у них не антихманное, да? Почему тогда оружием называется? У вас оружием называют пёрышки для щекотки, да?

– Из какой дыры вы прибыли? – Терон разозлился и забыл о вежливости. – Ваше антигуманное оружие убивает и калечит, наше гуманное только шокирует.

– Как это ш-шокирует? Шокировать по разному можно. Когда Хараму сообщили, что его жена с Гукосом путается, он полчаса в шоке был, а когда меня Жамдун по голове трубой ахнул, я три дня в этом самом шоке был – до сих пор не помню, что я там делал – мне потом хяким рассказал; Харам после шока шустрый, прыткий стал – схватил кинжал – во-от такой большой, антихманный, и побежал, хотел как можно быстрее увидеть жену и Гукоса – разобраться с ними, а я вообще не двигался, болел три месяца и Жамдуна после этого, не то что быстро, вообще видеть не хочу, и разбираться тоже, – всегда обхожу. Так что шок разный бывает. Ты мне скажи, какой я буду, если меня вашим оружием шокируют: такой нервный как Харам или такой, как после трубы?

Ответил хихикая Махкат:

– Наверное такой, какой ты был, когда зурдаганский хорёк из под хвоста сыканул тебе в нос вонючкой.

Хахтияр зашипел и засвиристел в точности, как тот хорёк, чем окончательно вывел Терона из себя. Вскочив, Терон прорвался через Махката, оттолкнув и пройдясь по его ногам.

– Э-э! Зачем такой грубый? Я тоже могу быть грубым – не встанешь! – разобиделся Махкат и философски обобщил. – Вежливость жертва грубости.

– Всё, больше я не разговариваю. Я ничего не знаю. Моё дело вас довести и сдать с рук на руки. Всё, что хотите узнать, найдёте в «Пособие для туристов». Про оружие должно быть на третьей макаронине.

– Нет у нас «Пособия», – сокрушённо сообщил Хахтияр, – оно в багаже.

От злости Терон аж затоптался:

– Ладно, ради вас – дорогих гостей, я нарушу инструкцию. Сейчас я открою багажный люк – ищите ваше «Пособие», только побыстрее.

Когда диафрагма люка разошлась, и из багажного отсека резко пахнуло ледяной прохладой, Махкат подтолкнул замывшегося Хахтияра:

– Иди, иди, – поторопил он. – Ты клал – ты ищи, – и отошёл подальше от пышущего холодом зева.

Возился Хахтияр в багаже долго. Уже потом, за просмотром третьей макароны, Махкат спросил всё ещё трясущегося Хахтияра: что это с ним? Хахтияр, стуча зубами, ответил:

– Ле...ле...ле... дя... дя...нэ...нэ...ной шо... шо... шок!

А вот что сообщило «Пособие» отуштанцам:

– Город-дом ЗАРАБАДЖ (тип ОА7, координаты на планете... время постройки... уровень функционирования...).

– Один из тридцати двух Городов-домов на планете ЗИЯ (характеристики планеты...) третьей в системе звезды ЖОЛТЫ (координаты звезды... характеристики звезды... характеристики её планетной системы...).

– Население: 25 000 881 (дата ...)

Уровень развития: VII (3ж)

Гуманизация общества: VI (5)

– ОСОБЫЕ УСЛОВИЯ:

а) Высокая агрессивность населения (VIII).

б) Повсеместное применение паразитарного оружия.

в) Пандемический охват населения паразитац-наркоманией, с сопутствующими вывертами общественных, межличностных и межполовых отношений.

Хахтияр не вытерпел и вставил своё веское замечание:

– Ещё как выворачивает! И с таким кайфом выворачивает! Мне в наркомании больше бэнаша нравится – и дешевая, и забористая. В-ва-ах! – как выворачивает!

Матаран с опасливо-восхищённым любопытством слушал Хахтияра – ему так и не пришлось по настоящему попробовать ни бэнашу, ни чиртижа, ни трусоина – Матаран сразу бы забил его насмерть, застань за этим баловством.

– Всё правильно, если я накурюсь, только тронь меня: любой личности выверт устрою! А если при этом, я ещё при деньгах, – Хахтияр сокрушённо мотнул головой, – так, правда, редко бывает, – у меня с Халей такие половые отношения, такие выверты! – она всегда потом прибавки – полдирхема требует: «Извращенец ты» – говорит.

Махкат уважительно слушал опытного приятеля – сам он к женщине ещё не притрагивался. Хахтияр вальяжно хлопнул его по плечу:

– Махкат, чё стоишь? Поехали дальше, только не надо про детские вещи читать, которые и так все знают. Давай, находи, что там про их паразитское оружие сказано.

Махкат нашёл:

«Одним из видов гуманного шок-оружия является паразитарное оружие. ...Паразитарное оружие одно из самых антигуманных и мучительных средств временного поражения.»

(Хяхтияр был возмущён: как гуманное может быть одновременно и не гуманным?! Кинжал всегда кинжал! Потом подумал, и смягчился, – ну, разве только совсем сильно тупой кинжал, которым резать долго...)

"Паразитарное оружие предназначено для применения против биологических объектов (Широта применения... исключения...).

Поражающее действие паразитарного оружия /ПО/ основано на принципе ударного взаимодействия высокоэнергетического сгустка паразитной энергобиоплазмы /СПЭБ/ и организма (человека или животных). При взаимодействии с организмом у СПЭБ нарушается механизм саморегулирования. После контакта (ударного взаимодействия) СПЭБ с организмом, паразитарная биоплазма быстро разрушается (от 18,5 до 0,05 секунды) и разряжается хаотичными потоками биотоков и биоизлучений, которые, пронзая тело организма, генерируют паразитные биотоки, в свою очередь вызывающих волны боли и раздражения, с вкраплениями колючего наслаждения, спазмы и судороги мышц, хаос клубка бессмысленных, большей частью отрицательных эмоций. У человека вследствие непереносимой боли взаимодействие со СПЭБ почти всегда сопровождается затмением сознания или его полной потерей.

ПО делится на:

ПАРАЗИТРЫ – лёгкое оружие (ближнего и среднего радиуса действия).

ПАРАЗМАТРЫ – среднее оружие (среднего и дальнего радиуса действия).

ПАРАЗЕРЫ – тяжёлое оружие (среднего, дальнего и сверхдальнего действия).

Неосторожность или несоблюдение правил в обращении с ПО, неправильный выбор мощности может вызвать быстрый смертельный исход с частичным или полным разложением организма, против которого оно было направлено..."

Наши туристы поняли не всё и не совсем так. Глаза догадливого Хяхтияра заполнились паникой и ужасом.

– Очень плохо, Махкат, мне не нравятся это разложение. Никакое не нравится. Ни полное и ни быстрое. Я теперь, кажется, начинаю понимать, почему хозяин не поехал с нами. Когда хяким лечил меня от глистов, он их по-научному называл паразитами. Если биоплазма это та-а-ки-ие, подумай: полное и быстрое разложение, кру-у-ты-ые глисты, то это такой щ-щ-о-ок! – лучше набаданга от стада злых ищцаков... В-ва-а! Как мы будем гни-ить! В-ва-а-а...

Махкат, с самого начала недоумевавший – почему это Матаран не едет в Зарабадж? – зачем передоверил им все дела? – и сразу заподозривший большой подвох, мгновенно поверил Хяхтияру. А поверив, и представив последствия предстоящей встречи с биоплазмой, он почти пережил это, впад в шок ещё до «знакомства» с гуманным паразитарным оружием.

У Махката закатились глаза, отпал подбородок, ослабло тело и, с ужасом на лице, он мешком стал сползать с кресла.

Хяхтияр щедрыми пощёчинами привёл его в себя. Весь бледный, Махкат, сидя на полу, судорожно нашёл платок и промокнул обильно выступивший пот.

– Ш-щ-о-ок, да? Надеюсь, ты не побежишь, как Харам, разбираться с биоплазмой?

Махкат не ответил, ловя открытым ртом воздух и учащённо дыша. Немного подождав, пока Махкат усядется, Хяхтияр стал оправдываться:

– Совсем забыл, что ты городской, впечатлительный, зря рассказал о своей догадке. Ведь я и ошибиться могу. Давай спросим нашего друга Терона, что за паразит такой эта биоплазма.

Терон находился в кабине ручного управления самолётом. Самолёт потому и назывался самолётом, что летал сам, ведомый автопилотом, и Терон находился здесь лишь потому, что вторым местом, где можно было спрятаться от назойливых туристов, был холодный багажный отсек.

Но и в кабине его достали!

Достал Хяхтияр. С сенсор-переводчиком на шее, с криво пришлёмпанными на гортани сенсорами и глубоко забитой в ухо горошиной-динамиком и, оттого, очень важный Хяхтияр

вновь дружески прилип к Терону (Махкат приходил в себя после соединения в своём воображении картин собственного огютюшивания в массовом порядке путём набаданги стадом злых ищцаков и обратной набаданги из всех отверстий бесчисленным количеством толстых глистов-биоплазмы).

– Терон-ага, объясни пожалуйста, что за паразит такой биоплазма? Большой глиста, червяк?

– Деревня! Паразитная биоплазма, это то, чем стреляет паразитр, что-то вроде кляксы огня. – Он подумал. – Только она многоцветная и даже на расстоянии жжёт, или скорее кусает... нет колет... короче – это надо самому почувствовать. Хотя, не советую, приятного мало.

Хахтияр отходил с двояким чувством: с одной стороны – с облегчением, с другой – с новыми догадками. Он решил не делиться ими с Махкатом, слабого духом. Опять шлёпнется в обморок. Городской – некрепкий.

Хахтияр «обрадовал» Махката, сообщив, что паразитры стреляют не глистами, а кусающимся огнём.

С полчаса товарищи по несчастью отдыхали душой на однообразном пейзаже, проплывающем под самолётом, и затем вновь вернулись к «Пособию для туристов». И вот, что ещё полезного выудили из него:

"В районах активного и военного применения ПО туристам рекомендуется носить **КОСТЮМЫ ЗАЩИТНЫХ ДОСПЕХОВ** – КЗД/ПО (...марки и характеристики костюмов защитных доспехов).

КЗД/ПО изготавливаются только для конкретных лиц, по их сугубо индивидуальным меркам. Несоответствие размеров приведёт к тому, что костюмы будут сковывать, мешать и защищать с меньшей эффективностью. Полнеть и худеть владельцам КЗД/ПО не рекомендуется.

КЗД/ПО многократно ослабляет негативное воздействие потока паразитарных биотоков и биоизлучения, частично экранируя и аккумулируя биоэнергию разряжающейся паразитной энергобиоплазмы.

Слабый выстрел паразитра ощущается лишь мурашками по телу; средний – щекоткой или, в худшем случае, чесоткой; сильный выстрел (в упор, с полной разрядкой конденсаторов) выбивает из строя, но ненадолго.

Под мощные выстрелы паразматров и, тем более, паразеров попадать не рекомендуется, но и в этом случае КЗД/ПО спасает от гибели".

Махкат и Хахтияр обменялись взглядами, как поговорили, будто между ними состоялся диалог:

Матаран не позволит заказать сразу два костюма – почему всё тебе и тебе? – я в твой не влезу.

Хахтияр обречено вздохнул и, соглашаясь, отвёл взгляд.

Глава четвёртая

Мобиль поехал, набирая скорость, увозя двух отушзтанцев, которых Терон с облегчением сдал с рук на руки представителю ТуКУКа (Туристический Культурно-Увеселительный Комплекс) и тут же забыл о них. Махкат и Хахтияр с завистью наблюдали, как на Тероне со счастливым визгом повисли сразу две гёхпери (а может и бордель-кысы – уж очень бесстыдно они себя вели). Мобиль въехал в переходный туннель между юго-восточным аэропортом и городом, и завидная картина чужого счастья скрылась с глаз.

Город взбудоражил и изумил отушзтанцев невероятной, невиданной ими, архитектурой. Широкие проспекты со стоэтажными зданиями сменялись улицами-туннелями не более трёх-четырёх метров высотой; проспекты-сады сменяли проспекты-ущелья, улицы втекали в дома

и дома становились улицами; проносились мимо сады невиданных растений и парки из одних скульптур; но больше всего взволновали горожане, вернее горожанки. На улицах города, казалось, были только они – красивые, смело одетые и развязные (в Тюлькили, попробуй они такими появиться на людях, их закидали бы камнями или сразу же уволокли в бордели).

ТуКУК восхитил своими размерами и внутренней роскошью и просто диким количеством сногшибательно-красивых гёхпери. Отушзтанцы не промелькнули незамеченными. Они удостоились внимания. Благосклонного внимания – ошибиться было невозможно! Им улыбались, от них не отводили глаз.

Махката и Хахтияра поселили на сорок четвёртом этаже в прекрасный двухкомнатный номер с большим холлом и шикарной ванной. Махкат сознался, что такой роскоши нет даже у Матарана дома в Гурдили.

Прощаясь, провожатый от ТуКУКа посоветовал им не выходить одним, а нанять гида, тем более, – он подмигнул, – частный, неофициальный гид-телохранитель обойдётся раз в пять дешевле. Он оставил карточку с номерами связонов, нескольких подобных гидов.

– Где будем обедать, Хахтияр? У нас, здесь на кухне, или пойдём в ресторан?

Хахтияр посмотрел на Махката так, что тому стало стыдно.

– Махкат, ты аграш (гордое самоназвание граждан Аграшвана, в прямом переводе означающее: решительные люди, способные на всё) или нет?! У нас в ауле даже женщины знают: жадность до добра не доводит. Матаран-ага ничего плохого не скажет – мы сюда приехали не в ванне сидеть. Идём в ресторан!

Шикарные недра ТуКУКа подавляли тюлькилинцев, которые, как и подавляющее большинство жителей Аграшвана, никогда ранее не выезжали за пределы своих провинций. Богатая отделка интерьера, картины и мозаика, впечатляющие голографические панно, широкие пышные дорожки ковров и бесчисленные зеркала – снова, и снова разнообразные зеркала. В них, на фоне всей этой роскоши, длинноволосые бороdato-усатые тюлькилинцы выглядели дико, а их сине-зелёные хламиды убого. В громадном лифте, благо он был пустой, Хахтияр и Махкат поспешно причесались, но от этого их внешность не очень сильно окультурилась, лишь усы и бороды стали пышнее, а волосы менее растрёпанными.

Холл седьмого этажа, где находились рестораны и танц-бары, встретил их многолюдьем и разноголосьем отовсюду слетающейся музыки, сплетающуюся здесь в весёлую какафонию, обещающую праздник и безграничные удовольствия. Вокруг было столько красивых гёхпери и так мало мужчин, что поначалу Махкат и Хахтияр в растерянности остановились, оторопело глядя на разноцветное море красоток.

Киши всегда должны быть киши, и в любых обстоятельствах вести себя достойно! Собравшись силами, одеревеневшие аграши плечом к плечу пошли к входу ближайшего ресторана сквозь волнующее до кончиков ногтей собрание прелестных созданий. Гурии их заметили.

– Туристы... туристы... лохматенькие... страшные... новенькие... туристы... свеженькие... свободные... – понеслась во все стороны новость.

Махката услышал и понял (сенс-переводчик был на нём). Хахтияр услышал «звон» и, как всегда, догадался откуда он и зачем (удивляются! – в первый раз настоящих киши увидели).

Дойти до ресторана в одиночестве не удалось. Толпа нахальных прелестниц окружила и стала рвать их на части, хорошо, наши аграши успели сцепиться локтями. Хахтияр, не понимающий щебета, обрушившегося на них, дебильно улыбаясь, блаженствовал, похикивая от щекотки. Махкат извиваясь от ласковых и нескромных прикосновений, фальцетом прокричал ему:

– Выбирай, хватай какую-нибудь, а то одежду сорвут.

Хахтияр выбрал двоих – будь пять рук выбрал бы пятерых. Махкат схватился за одну. Выбранные красотки отшили остальных. В ресторан вошли уже тесной компанией, впятером.

Платили и заказывали, как и обещали гёхпери. Хахтияр, когда узнал об этом, радостно возликовал зурдаганским халявом, вызвав восторг у гёхпери, умилившись его непосредственности и восхитившись его талантом подражателя.

Махкат выбрал гёхпери постарше – пышнотелую, круглолицую и черноволосую. Её обильно украшенная драгоценностями перламутровая микрохламида прикрывала лишь самый минимум телес, делая их ещё завлекательнее. Она была жеманна и ласкова.

Хахтияру достались две юные девицы, разодевшиеся, хотя и не так богато и продуманно, как махкатовская, но тоже весьма и весьма интересно: многослойные прозрачные платья ничего не скрывали, а лишь облагораживали содержимое белесой романтической дымкой. Их платья немного отличались фасоном, количеством разрезов и оттенками. От рослых милашек так и пёрло молодым задором, пышущим здоровьем и беспардонным нахальством. Подруги были такими боевыми деваками, которые входят в горящую избу, берут быка за рога, а мужика за... что хотят, не стесняясь. Хахтияр это радостно почувствовал.

Обед в ресторане казался сказкой. Много музыки, навалом выпивки, вкусной еды и рядом красивые гёхпери, ухаживающие за ними и позволяющие себя трогать как угодно и, к тому же, ещё платящие за это – чем не рай для киши? А вокруг ещё целый театр красивых алчных женских лиц, следящих за их столиком и готовых в любой момент заменить оплошавших красоток, если те ненароком выпустят добычу из коготков.

Хахтияр разошёлся, Махкат не успевал переводить через сенс-переводчик. Девицы беспрерывно смеялись и шалили ручками. Было хорошо! Кончилось тем, что их компания разделилась, хотя аграрии и пытались её сохранить, уговаривая девиц пойти именно к ним и там продолжить веселье.

Гёхпери оказались покрепче аграриев. Перламутровая увела Махката к себе на четырнадцатый этаж, а перепившего и сошедшего с катушек Хахтияра, поющего песнь зурдаганского халкаша, милашки утащили на улицу и увезли к себе.

Глава пятая

Говорить о переживаниях Махката не надо, всё станет ясно, если сказать одно: Махкат потерял невинность. Два дня непрерывной потери. Напрочь, вместе с романтическими иллюзиями. И, когда на третий день перламутровая стала одалживать Махката подругам, он сбежал.

Нет, нельзя сказать, что ему было плохо, совсем даже наоборот, но даже всё хорошее должно иметь границы. Он был истощён, а вконец унижен и опущен до положения бордель-киши. Будь на его месте Матаран он бы зарезал перламутровую, Махкат предпочёл хитро ретироваться.

Он сразу потерялся в переходах и коридорах громадного здания. Махкат заплутал, и никак не мог найти нужный лифт, секцию, поворот и попадал всегда не туда. Здание почему-то оказалось очень пустым, что никак не вязалось с его первыми впечатлениями. Махкат даже стал подозревать, что во сне его незаметно вывезли куда-то. В другое место очень похожее на ТуКУК. Тот же антураж, те же бесчисленные зеркала. Отчаявшись, в конце концов, Махкат решил подниматься к себе по лестничным переходам. Далеко он не ушёл. На тридцать первом этаже его перехватили и приватизировали. Три просто одетые девицы очень обрадовались добыче. Махкат понял, что бесхозные туристы попадают к ним в руки не слишком часто.

Девицы были страшно довольны и не скрывали этого. Пусть замученный, пусть похож на паразматика, но всё-таки мужчина, большой мужчина. А то, что жирный и волосатый – мелочи. Зато, какой здоровый!

Добрые попались. Сами радовались и Махката наперебой пробовали успокоить и ободрить. Не тушуйся, не расстраивайся лохматенький. Чудо в волосах. Сделаем из тебя человека. Обреем, посадим на диету с сексом – станешь как огурчик.

На тридцать пятом этаже, на лестничной площадке они столкнулись с другим охотничьим прайдом охотниц за туристами. Этих было пять. В разыгравшемся сражении, естественно, задавив количеством, победу праздновал второй прайд, но уже на исходе сражения одна из девиц первого прайда, побитая и отброшенная в сторону, вытащила что-то вроде маленькой удлинённой лепёшки, к удивлению Махката оказавшейся оружием, и стрельнула. Очередь из маленьких чуть жужжащих молниеносных мушек поразила двух охотниц, и те замертво свалились. Зато третья, находившаяся за одной из поражённых, успела выхватить какое-то своё оружие, похожее на миниатюрный длиннодулый пистолет с раструбом. Из пистолета с треском вырвалась струя блеклого огня и врезалась в бок девицы с лепёшкой. Та ужасно заверещала и забилась в судорогах. Махкат почувствовал, как все его волосы (все до единого!) наэлектризовались и стали дыбом. Девушка повела пистолет в сторону двух других побитых соперниц, и те поползли от неё, плача и умоляя не паразитизировать их. Рыдая и уговаривая, девчонки отползли достаточно далеко, вскочили и бросились вверх, прочь из под дула паразитра.

Новые хозяйки подхватили Махката под руки и потащили назад вниз, оставив валяться на площадке недвижимые тела подруг и изредка сотрясающееся тело соперницы.

Махкат удивился:

– Куда вы? А как же ваши подруги?

Его не слушали и тащили за собой вниз.

– Наплевать, пусть гниют, да? – Он резко остановился и рывком освободил руки.

Всё, как везде. Этот мир, шикарный снаружи, был так же гадок изнутри, как и Тюлькили. Но даже у них самые последние негодяи выказывали скорбь и уважение к погибшим друзьям и соратникам.

– Пошли, пошли толстяк, – идущая сзади гёхпери с паразитром толкнула Махката в спину, и он вынужденно запрыгал вниз по ступенькам. – Ты ещё с ними познакомишься. Ничего с ними не сделается – очухаются и прибегут.

Махкат споткнулся и упал, больно пересчитав коленом несколько ступеней. Девушки засмеялись – ну, и боров неуклюжий им попался.

«Всё! Хватит издевательств!» – рассвирепев, Махкат перестал видеть в гёхпери женщин и легко их расшвырял. Он успел вырвать паразитр, не дав применить против себя, и наиболее чувствительно вломил именно его владелице.

Повизжав, бабы разбежались. А разозлённый Махкат ещё долго блуждал, пока нашел свой номер, но почему-то больше к нему никто не приставал, хотя отдельные красотки и целые группки охотниц встречались. Наоборот, его чурались, от него шарахались и уступали ему дорогу. То ли всех пугал решительный взгляд и дикий вид Махката, то ли отпугивал паразитр в руке.

Хахтияра в номере не было и по царившему порядку (вернее, по отсутствующему беспорядку) Махкат понял, что после их выхода в люди тот здесь не появлялся. Пищал, привлекая внимание связон. На связоне скопилось три десятка сообщений. Имелось два звонка без оставленной информации, пять вызовов от Матарана с категорическим требованием перезвонить или быть к следующему вызову на месте, два сообщения с предложением услуг гидов-телохранителей, пять сообщений сервисных служб ТуКУКа, остальное – предложения различных благ, к которым прилагалась любовь и секс (заманчивые посулы шли как от отдельных девиц, так и от целых клубов особ женского пола). Хахтияр не звонил.

После прослушивания сообщений у Махката хватило сил раздеться и ополоснуться. Последние силы ушли на то, чтобы найти кровать и с головой укрыться покрывалом. Проснулся он через четырнадцать часов. Во сне он убегал от толпы глистов с женскими формами и с лицами Матарана и братьев Биркули... Его догнали и повалили... гадкий запах... он боролся... старался уползти... одна нога намертво застряла под кучей этих существ... и

спереди надвигался ещё один клубок такого же склизкого ужаса... глисты с лицами хякима и Хахтияра...

Глисты пропали... Слава халлаху – он вовремя проснулся, а то бы умер от ужаса и гадливости. А ноге всё равно тяжело... Махкат разлепил глаза и приподнял голову. На ноге сидел голый Хахтияр и укоризненно смотрел на него. Недовольный и какой-то странный.

Махкат попробовал выдернуть ногу из-под приятеля и не смог. Затекала, не слушалась. Взгляд Хахтияра стал ещё печальнее. Шебултай, сидит на его ноге, как на своей, и на него же дуется! И как он пробрался в его клетку? Кто впустил? Тут и для одного места мало, пусть убирается в свою! Всё ещё в полусне Махкат вновь сделал попытку вытащить ногу из-под Хахтияра и опять не смог – та совсем онемела. Вот ищцак! Что же, он так и будет теперь сидеть в его клетке на его ноге? Ищцак!..

– Ну, ты мастер спать Махкат. Я уже два часа жду, когда ты проснёшься. Пока ты тут отдыхал, я столько натерпелся, говорить противно. А ты спишь, паразит! – Хахтияр ожесточённо почесал себе грудь.

Махкат с изумлением сообразил, в чём главная странность Хахтияра: тот был весь начисто обрит. Ниже носа не единой волосинки. Да ещё весь поцарапанный и в синяках. С Махката слетели остатки сна вместе с Хахтияром, которого он сбил с насиженного места свободной ногой.

– И ты тоже обижаешь Хахтияра. Теперь все могут обижать Хахтияра. Обижайте! Умру, кого тогда будете обижать? – Хахтияр присел на самый краешек кровати и горестно схватился за шею.

Поцарапанно-побитый, голый – только в порванных коротких шарварах, обритый Хахтияр выглядел беззащитно-жалко. Махкату стало стыдно за свою резкость.

– Хахтияр, киши, что случилось? – Махкат, разминая ногу, присел рядом. – Где ты пропал?

Хахтияр воспрял духом и затараторил, обрывая все попытки надолго себя прервать, – бедняга, наконец-то нашелся тот, кто мог его выслушать и понять. Впервые за несколько дней.

Воспоминания пошли с момента, когда Хахтияр обнаружил себя совершенно голым на большой кровати в окружении подушек и трёх весёлых девиц, так же как и он, в чём мать родила. Как здесь оказался, что делал до этого, после ресторана, Хахтияр не помнил.

Ничегошеньки не помнил. Было обидно. Сильно обидно: даже не известно, как много приятных и интересных воспоминаний пропало!

Когда он, как культурный киши, оказавшийся на одной кровати с незнакомой красавицей, стал знакомиться с новенькой, это вызвало бурю восторга и смеха. Ему тут же показали жестами и позами, как он недавно знакомился с новенькой. Новенькая, хохоча, фамильярно пощипывала с груди Хахтияра седые волосы. Когда девятый вал веселья прошёл, девицы продолжили конкурс на самый длинный волос Хахтияра. Причём вырывание волос на голове считалось мошенничеством. Хахтияр стойчески терпел. А что ещё делать? Женщины, как дети, что ни найдут – попробуют, им обязательно надо во что-то играть. Он свои руки тоже без дела не держал, стал играть против них. В-ва! Конечно, проиграл. На них троих вместе взятых волос было в десять раз меньше, чем на нём.

Хахтияр со смаком рассказал, во что они ещё играли вдвоём, втроём, вчетвером, с ним и без него. пожаловался, что просился отвезти обратно в ТуКУК на отдых, а они непустили. Наверное, целый год мужчин не видели. «Замучили, понимаешь! Даже спать не давали. Сами спали по очереди. Потом издеваться начали – в-ва! – пока спал обрили. Сиволочи!! Все мои волосы поделили! Мне ничего не оставили».

Глаза Хахтияра наполнились влагой, когда он дошёл в рассказе до момента, когда его начали беспредельно обижать. «Слушай, два дня совсем без отдыха делал с ними всё, что хотели. Знаешь, сколько хотели!? Позволял прыгать, скакать на себе, как на ищцаке. Волосы

разрешил драть с себя, как с курицы перья. Я с Баррсом такое не делал, что они со мной делали! И, в-ва! (Хахтияр издал рык зурдаганского хулихама) – никакого спасибо!»

Издеваясь, гёхпери намекали, что вся сила была в его растительности. Смеясь и целуя каждая свой шматок волос, они прицельно плевали в оставшиеся без волос укромные места Хахтияра, обижая поникшую мужскую честь. Устраивали соревнования. И, само собой, десяткой считался центр мишени.

«Махкат, у кого хочешь в Кельчули спроси, все скажут Хахтияр настоящий киши, супер-мужчина. Все дехкане знают, все чобаны знают, даже моя собака Баррс знала! В округе все бордель-кысы от меня плакали, даже Халя-Неугомонный живот плакала. А здесь я плакал!! А гёхи в меня плевали!» – Хахтияр завыл заунывным воем зурдаганской хандры.

Ночью Хахтияр сбежал. «Чуть-чуть придушил Юлу, чтобы не орала». На этом злоключения аграша не кончились. Снаружи была темень: на улицы (или крыши? – он выбирался наверх) падал лишь слабенький свет звёзд, вернее, какого-то подобия их, уж слишком равномерно правильно эти искры расположились на небосводе. И было поражающее безлюдье. Не у кого было узнать дорогу к родному культурно-увеселительному комплексу. За пять-шесть часов (а может и больше) блужданий по дворам, дорогам, паркам, крышам Хахтияр столкнулся с людьми четыре раза. Вначале, через пару часов, он встретил одинокую гёхпери. Она не понимала его. Он не понимал её, но пошел за ней, куда повела. Вела к себе домой, поняв это, Хахтияр сбежал. Затем он встретил четырёх трупопищых юлдуги – грабителей. Вначале он обрадовался – наконец попались киши, но приглядевшись струхнул, уж больно они походили отёкшими лицами без всякой мимики на мертвецов. Им он тоже ничего не смог объяснить. Два юлдуга наставили на него малюсенькие игрушечные пистолеты, а два других медленно-медленно подошли и стали обыскивать.

Хахтияр повёл себя, как настоящий киши: «Я им так дал! – летели быстрее, чем шли!» Игрушечные пистолеты с раструбами вдруг оказались настоящими, стреляющие пламенем. Первым предупреждающим выстрелом ему поразили правую руку. За Хахтияра стали думать уже ноги, и они побежали. Далеко не убежали, следующими выстрелами были поражены и они. Хахтияр провалился в боль.

"О-о-у-уу, – Хахтияр завизжал визгом нещадно избиваемой собаки. – ...Я теперь знаю, что такое настоящий щ-щок! Знаешь, глисты были бы лучше... В-ва-а-а! Махкат, как бы ты себя чувствовал, если бы с тебя сдирали кожу и при этом поливали солёным кипятком? В-ва-а-а...

Знаешь, у меня волосы на голове с ума сошли от боли! Ты видишь – они курчавые. Тогда прямые стали как спицы! Торчком стали! Чуть вместе с кожей не убежали! И голову могли прихватить! Наверное, друг другу помешали – запутались. Нет, хорошо, что я вовремя обезволосился, если бы на руках и ногах были, точно, вместе с кожей убежали бы. Как подумаю, страшно становится. Представляешь, открываю глаза, и я как змея – волосатая кожа рядом лежит... Махкат, ты тоже обрейся. Обязательно. Хахтияр глупых советов не даёт!"

Когда Хахтияр очнулся: грабителей рядом не было. Из вывернутых карманов исчезла разная мелочь. Хорошо, страховой браслет остался на предплечье, скорее всего, не смогли снять. Ноги и рука сильно ныли, как бывает после судорог, и плохо слушались. Сколько прошло времени, было непонятно. Мучался он, как показалось Хахтияру, не меньше часа, а вот сколько был в беспамятстве сказать не мог.

Следующими встречными были две подруги. Чего хотел от них Хахтияр, они не понимали, а вот он хорошо понимал, чего хотели гёхпери, – но этим был сыт по горло. Они долго брели за ним, пока не отстали.

Затем его нагнала парочка бордель-кысы с расцарапанными лицами и синяками под глазами и, когда аграш послал их подальше весьма понятными жестами, они наставили на него раструб паразитра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.